

**Письма А.И.Неусыхина
к Е.Е.Слуцкому, А.И.Рубину, Е.А.Неусыхиной (1942-1948)**

Предисловие к публикации

Александр Иосифович Неусыхин (1898-1969) — известный историк, оставивший ряд фундаментальных трудов по истории европейского средневековья, профессор МИФЛИ и МГУ, в течение многих лет научный сотрудник Института истории (с 1968 г. — Института всеобщей истории) Академии наук. Тем, кто знал его только как ученого-медиевиста, работавшего в области социально-экономической истории и раннесредневекового права, была менее знакома другая сторона его духовной и интеллектуальной жизни. Вопросы философии и истории культуры занимали в его жизни не меньшее место, чем специальные изыскания, составившие ему имя в науке.

Круг его интересов был обширен и неординарен: философская образованность, глубокий интерес к проблемам познания, психологии творчества, проникновенная любовь к поэзии, особенно философски насыщенной, острое интеллектуальное и духовное стремление осмыслить проблемы добра и зла, — все это осталось достоянием тех немногих людей, которым посчастливилось быть соучастниками или свидетелями его напряженных духовных исканий, Несомненно, они составляли глубинную основу его подхода и к научным специальным проблемам, и к преподаванию, и к общению со студентами.

Жизнь Александра Иосифовича сложилась нелегко. Мягкий и добрый человек, в вопросах этического выбора он был непреклонным и не способным к компромиссам со своей совестью. В молодости он смело выступил в защиту своего учителя Дмитрия Моисеевича Петрушевского (1863-1942) на диспуте, где была разгромлена книга Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»¹. Тщетно пытался Неусыхин доказать, что книга Петрушевского не имела целью «борьбу с марксизмом» (главный пункт обвинения), что ее автор стремился лишь познакомить читателей, и в первую очередь научную молодежь, с результатами своих исследований, соотнесенных с новыми течениями исторической и историко-философской мысли в странах Западной Европы (особенно Германии). Но именно это и не прощалось признанному ученому, главе школы московских медиевистов, а он органически не мог работать в атмосфере догматизма, цитатничества и полной изоляции от мировой науки. Своим выступлением Неусыхин снижал себе репутацию «печального представителя школы Петрушевского»², что дополнило уже установившееся мнение о нем как о своего рода «еретике». Этому

¹ См.: Диспут о книге Петрушевского. — «Историк-марксист», 1928, № 8.

² Там же.

способствовало и полное его неумение чураться собственных взглядов и жить по официальной указке.

Неодобрительно был принят и большой интерес Неусыхина к творчеству Макса Вебера. Он успел опубликовать две статьи, посвященные идеям этого выдающегося мыслителя³, и намеревался предпринять исследование логической структуры «идеально-типических» понятий у Вебера, но после диспута 1928 г. это оказалось неосуществимым, а вскоре трудное положение общественных наук закрыло всякие возможности для публикации трудов, связанных с разработкой общетеоретических и философско-исторических проблем. В архиве А.И.Неусыхина сохранился краткий проспект книги «Проблемы исторического мышления»⁴ с пометкой «Книга, которая никогда не будет напечатана». В разные годы он мечтал о трудах по философии литературы, которые задумывал и как очерки о мироощущении всех русских поэтов⁵, и как сравнительное исследование творчества — философского и поэтического — В.С.Соловьева, Р.М.Рильке и К.Ясперса (эта идея никем еще не воплощена, хотя она могла бы оказаться чрезвычайно плодотворной)⁶. Уже в военные годы, когда появились некоторые надежды на хотя бы относительную свободу — увы, почти сразу же, в 1946 г. на десятилетия оборванные, — А.И. писал: «У меня много замыслов разных работ — как по истории, так и в области вопросов, смежных и пограничных между философией и двумя эмпирическими науками — историей и историей литературы»⁷.

Тридцатые годы мало благоприятствовали осуществлению подобных устремлений человека, кровно связанного и с философской культурой Запада, прежде всего культурой Германии, и с философией, расцветавшей в первой четверти XX века в России.

В эти годы Неусыхин сосредоточился на преподавательской работе, особенно ценя общение со студенчеством МИФЛИ, среди которого обрел многих преданных и восприимчивых слушателей.

Начиная с 40-х годов Неусыхин систематически публикует свои специальные статьи и монографии, посвященные проблемам истории раннего европейского средневековья, становлению европейских стран (на материале континентальной Европы) — так называемым «варварским» королевствам, пришедшим на смену разрушавшейся Римской империи. Концепция Неусыхина интересна тем, что он видел и исследовал творческое, глубоко динамическое начало там, где другие наблюдали лишь упадок, косноязычие исторических документов, тупик и застой, «темные века». Его работы рисуют социальное творчество молодых европейских народов и подводят к мысли о самоценности и оригинальном развитии, самобытности ранних периодов их истории. Важно подчеркнуть, что в докторской диссертации Неусыхина

³ См.: Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе (1923); «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки (1927). Обе статьи переизданы посмертно в кн.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974,

⁴ Там же, с. 503-506 (проспект-фрагмент).

⁵ Письмо М.Н.Неусыхиной от 14.VI.1929. - «Новая и новейшая история», 1992, № 3, с. 159-160.

⁶ См, публикуемое ниже письмо Е.Е.Слуцкому от 23.I.1942.

⁷ Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма, с.8.

(1946) сопоставлялись и приводились во взаимную обусловленность собственность и свобода как фундаментальные институты варварского общества. Их видоизменения и упадок были тесно связаны со становлением феодального общества⁸.

Позднее, в 60-е годы на этой основе была разработана концепция варварского дофеодального общества как общества переходного периода, по существу стоявшего вне официально принятой схемы общественно-экономических формаций. Эта концепция охватывала длительный период, целую эпоху в несколько столетий, давшую жизнь и импульсы к дальнейшему развитию раннесредневековой Европы⁹. Верный своей идее отыскания корней и индивидуальных особенностей в их соотнесении с общим, А.И.Неусыхин стремился показать, как медленно и органично создавались во всем своем своеобразии предпосылки нового общественного строя, который ни на каких стадиях исторического развития не может возникнуть внезапно. Концепция переходного периода, сформулированная ученым, имеет не только конкретно-историческое, но и социологическое значение. Его занимали идеи о множественности стадий развития, промежуточных социальных типах, сложности общественных структур даже на очень ранних стадиях их существования, о богатстве жизненных возможностей, кроющихся именно в открытости, незавершенности социальных форм. Все, это было очень далеко от представлений об элементарности и примитивности ранних обществ на заре европейской истории.

Эту — относительную — свободу для изложения своих мыслей Неусыхин получил даже в сфере своих специальных исследований лишь в конце жизни, и многие его идеи не были развернуты в полной мере, хотя и сделанного и опубликованного было достаточно, чтобы создать ему очень высокую репутацию в мире историков. Но ему пришлось пережить и горечь грубой критики, когда в 1949 г. он был обвинен в «космополитизме». Этот удар был тем более сильным, что он не «каялся», а пытался защищаться. В большой мере благодаря поддержке влиятельного тогда В.П.Волгина он не потерял работу и остался и в Институте истории Академии наук, и в Московском университете, хотя его педагогической деятельности был нанесен заметный ущерб, она сузилась, а публикация его трудов была отодвинута на годы.

Тем более остались неосуществленными все его планы работ в области истории культуры и философии истории. Его интересы в этой сфере находили свое выражение лишь в устных беседах, которыми часто завершались почти ежедневные консультации учеников и встречи с друзьями, и в об-

⁸ Работа эта в несколько ином аспекте была опубликована в качестве монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв.» (М., 1956). Диссертация же «Собственность и свобода в варварских Правдах» была опубликована лишь посмертно (1974),

⁹ См.: Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — «Проблемы истории докапиталистических обществ». Кн. I. М., 1968. Полный список трудов А.И.Неусыхина см. в книге «Проблемы европейского феодализма». Несколько посмертных публикаций появилось и после выхода этой книги (1974).

ширной переписке, особенно оживленной в годы эвакуации в Томск и Свердловск (1941-1943)¹⁰.

Александр Иосифович не был одинок в своих духовных исканиях. Его личность, какой-то особый дар общения, тончайший душевный слух, его столь необычная в те годы человечность притягивали людей. С ним были связаны высокообразованные люди, которые не ограничивались изысканиями и успехами в сфере своих специальных профессиональных занятий; застав и глубоко пережив высокую культуру русского «серебряного века» в ее связях с вершинами европейской культуры, они хранили ее, защищая от ледяной коры воинствующего невежества. Люди с душевной организацией доктора Живаго (мы не проводим здесь аналогий с его личной судьбой) жили в обществе тех лет и самым фактом своего бытия воздействовали на поколения, попавшие в страшный «обрыв» культурных традиций, которые теперь оживают, но никогда не исчезали совсем, — и в этом смысл жизни и деятельности таких людей, как А.И.Неусыхин. Сохранившиеся письма Не-усыхина (к сожалению, многие письма, посланные ученикам на фронт, утрачены), иной раз перерастающие почти в статьи, ярко рисуют мир чувств и идей, которые заполняли его духовное существование и давали силы противостоять «тяжести эпохи»¹¹.

Эта переписка — также документ эпохи, свидетельство о людях, за пределами своей специальности обреченных на молчание, но не угасивших в себе духа. Это было глубинной подпочвой их трудов, их профессорской деятельности, общения с людьми, — все это, скрыто ли, косвенно ли, не оставалось без отклика и будило волю к пониманию.

В предлагаемой подборке писем А.И.Неусыхин касается проблем поисков «истинного бытия», «преходящести» человеческой жизни — как это отразилось в философской поэзии его любимых поэтов — Тютчева, Гель-дерлина, Рильке. В философии его особенно притягивали К.Ясперс и В.Дильтей, В.С.Соловьев, С.Л.Франк, Г.Г.Шпет¹², И.А.Ильин, книгу которого о Гегеле¹³ он особенно ценил. Да и вообще он свободно ориентировался в безбрежной стихии классической и современной немецкой философии, в большой степени сформировавшей метод его мышления.

В публикуемых письмах Неусыхин обращается и к ряду проблем, поставленных творчеством Ф.М.Достоевского.

¹⁰ Кроме писем, в наследии А.И.Неусыхина сохранились некоторые фрагменты литературных эссе; часть из них опубликована посмертно: Основные темы поэтического творчества Рильке. В кн.; Рильке Р.М. Новые стихотворения. «Литературные памятники». М., 1977; Тютчев и Гель-дерлин. Неизданный доклад А.И.Неусыхина (1942). - Литературное наследство, Т.97, кн.2. Федор Иванович Тютчев. М., 1989.

¹¹ Небольшие подборки писем см.; Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма; Мильская Л.Т. Александр Иосифович Неусыхин. Тернистый путь ученого. — «Новая и новейшая история», 1992, № 3; Переписка Н.И.Кареева и А.И.Неусыхина. В сб, «Средние века».М., 1978, вып. 42.

¹² С Г.Г.Шпетом постоянно общался Д.М.Петрушевский, труды которого Шпет высоко ценил: см. письмо Г.Г.Шпета Д.М.Петрушевскому от 16.IV-4.V.1928. - «Вопросы истории естествознания и техники, 1988, № 3 (публикация А.А.Митюшина).

¹³ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Т.І-ІІ. М.,1918. См. об этом: Из письма (Неусыхина) к А.И.Рубину от 11.VI.1942. - «Новая и новейшая история», 1992, № 3, с.173.

Письма адресованы друзьям — Е.Е.Слуцкому и А.И.Рубину — и дочери, Е.А.Неусыхиной.

Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880-1948), близкий друг Д.М.Петрушевского, который и познакомил с ним своего ученика А.И.Неусыхина, — крупный математик, один из создателей современной теории случайных функций¹⁴, поэт, оставивший несколько сборников неизданных стихов, трактаты «Земля и небо», «Опыт краткого рассуждения о зле, о Творце и о твари» и др.¹⁵, где ставил вопросы «преображения» человека, преодоления зла а мире.

Арон Ильич Рубин (1888/89-1961) — тонкий знаток философии, кандидат философских наук. Страшная судьба арестованного и погибшего брата, известного экономиста И.И.Рубина закрыла ему возможность работать в сфере своих интересов (он занимался переводами, преподавал латынь и т.п.). Близкий друг А.И.Неусыхина,

С дочерью Еленой, биологом по образованию, А.И. переписывался во время ее командировок, руководя ее чтением и помогая ей разобраться в сложных для понимания проблемах. Ей принадлежат несколько публикаций и переводов из Рильке¹⁶.

Письма А.И.Неусыхина и часть писем его корреспондентов, которые он хранил, находятся в Архиве РАН (фонд 1634), а также в фондах Д.М.Петрушевского (фонд 493) и Ф.А.Коган-Бернштейн (фонд 1697). В настоящем издании воспроизводятся по копиям, принадлежащим публикатору.

Примечания под звездочками принадлежат А.И.Неусыхину, равно как и все выделения в тексте, в том числе и специально им не оговоренные.

Конъектуры даются в квадратных скобках.

Л.Т.Мильская

1. Е.Е.Слуцкому¹

23/1.1942. Томск

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Отправил Вам недавно письмо (через Т.И.Райнова)², в котором выражал «жажду и алкание» получить хоть несколько строк от Вас, и вот эти строки у меня на столе! Как же не верить после этого в телепатию? Но — *l'appetit vient en mangeant*³ ... и мне хочется уж не несколько строк, а несколько страниц — и притом в стихах и в прозе!

¹⁴ См. некролог: Колмогоров А.Н. Евгений Евгеньевич Слуцкий. - «Успехи математических наук», 1948. Т.3, вып.4.

¹⁵ ЦГАЛИ, фонд Е.Е.Слуцкого (2133).

¹⁶ В кн.: Р.-М.Рильке. Ворпсведе. Огюст Родек. Письма. Стихи. М., 1971; Места литературные. Узкое. — «Литературная Россия», 26 сент. 1980 и др. (под фамилией Е.А.Огнева).

Если Вы отrekliсь от стихов (кстати: почему и во имя чего?), то, надеюсь, еще пишете в прозе и в частности признаете эпистолярный ее род. Умоляю Вас: продолжайте признавать его подольше! Ах, если б Вы знали, как тоскливо и одиноко в далекой Сибири, на утомительных берегах Томи (отсюда и Томск... да и все здесь по моей филологии от глагола «томить») без бесед с Вами. — У Вас вот были «очень интересные встречи в самом важном», а у меня — ни одной (несмотря на приезд в Томск украинского литературоведа А.И.Белецкого⁴, приятеля Н.К.Гудзия⁵, который, кстати сказать, пишет ему из Свердловска, доброго знакомого вдов Брюсова⁶ и Столпнера⁷ и даже знакомого самого «Вячеслава Великолепного»⁸, рукописи которого ему пришлось оставить в Харькове). Интересная «встреча в самом важном» произошла у меня здесь только с Ясперсом, которого М.Н.⁹ впопыхах уложила в клеенкой обшитый мешок с книгами вместо того, чтобы сдать в библиотеку Академии наук! Сначала я горевал об этом происшествии, но потом утешился тем, что книгам это путешествие в Томск может оказаться спасительным, а мне оно во всяком случае полезно. Воспользовавшись этой находкой, я постепенно одолел здесь оба тома целиком. Очень интересны — особенно главы «Kommunikation», «Geschichtlichkeit» во II томе и «Gesetz des Tages und Leidenschaft zur Nacht» и «Sinn des Scheiterns» в III томе (да и I часть последнего тома «Transzendenz» весьма интересна)¹⁰. Но, к сожалению, «коммуникация» с Ясперсом по необходимости одностороння и рецептивна, и только встречи с Вами на полях его книги (отметки резкие ногтями и., карандашом!) давали мне возможность воочию представить себе «echte Kommunikation»¹¹ с Вами, представить, но, увы! — не пережить. Читаю и перечитываю статьи В.С.Соловьева (здесь он имеется полностью) и, представьте, нахожу — правда, лишь в некоторых пунктах — сходство с Ясперсом: в статье «Смысл любви» есть понятие, очень сходное с «Kommunikation», в статьях «Общий смысл искусства» и «Красота в природе» встречаются сходные рассуждения о взаимоотношениях науки и философии, но, конечно, исходные позиции обоих мыслителей радикально различны, если не полярно-противоположны.

Для Ясперса Соловьев все же один из представителей абсолютизации самой «Transzendenz» в систему неподвижных категорий, человек, пытавшийся познать при помощи этих категорий бытие само по себе, как покоящееся целое, словом, он повинен в том же грехе частичного «Verrat an der Existenz»¹², в котором Ясперс уличает всех творцов метафизических систем от Платона и Плотина до Гегеля, хотя он и признает, с другой стороны, что великие творцы таких систем выражали в этой форме абсолютизации шифры «der echten Existenz»¹³, но лишь напрасно стремились навеки фиксиро-

вать — и тем самым обескрылить ее «Transzendenz» (отнес ли бы он Соловьева к их числу — большой вопрос). Для Соловьева же Яс-перс — человек, не дошедший до истины и в лучшем случае лишь стоящий или идущий на пути к ней.

Кстати, в этой связи, м.б., небезынтересно одно маленькое наблюдение над стихотворениями Соловьева (которые я здесь тоже перечитывал): в них очень часто фигурирует понятие или представление (иногда даже ощущение) неподвижности; подчас оно названо своим именем, а иногда лишь имеется в виду, но косвенно почти всюду подразумевается и во всяком случае везде незримо присутствует. Вот несколько примеров наудачу (и наизусть): «В неподвижной тиши лучезарных созвучий отражаешься ты»; «неподвижно лишь солнце любви», «О, что значат все слова и речи... перед вечною, недвижною судьбой»; «Меня дождется мой заветный храм». (Храм — символ неподвижного блаженства, которое как бы принимает в себя путника, правдиво и праведно шедшего через жизнь и «в тумане утреннем неверными шагами», и «в белый зимний день дорогой одинокой», и «до полуночи неробкими шагами»¹⁴, но этот путь неизбежно приводит в эту вечность, а не завоевывает и не творит ее, как в «Фаусте», да и неустанное стремление по окончании пути — как в эпилоге «Фауста», для Соловьева — бессмыслица.) Можно найти и много других примеров; думается, это не простая случайность или прихоть поэтического словаря Соловьева-лирика, а глубокое внутреннее убеждение Соловьева-философа. Недаром в статье «Теоретическая философия» он укоряет Гегеля в конструировании, на его взгляд, бессмысленного понятия движущегося абсолюта. Но в этом же самом, правда совсем по-иному, повинен отчасти и Ясперс.

Вот две темы для доклада или статьи: «Идея неподвижности в лирике Соловьева» или еще «Ясперс и Соловьев», но есть и третья «Ясперс, Соловьев и Рильке». (Я ведь обязательно должен в конце концов свернуть на Рильке.)

Соловьевская «неподвижность», конечно, ближе к «das wahre Sein» Rilke (в сонетах и элегиях)¹⁵, чем к проблескам его в транс-цендировании Ясперской Existenz. В этой диковинной троице Рильке занял бы срединное место между Ясперсом и Соловьевым по степени уверенности в наличии абсолютного истинного бытия (наибольшая ее степень у Соловьева — наименьшая у Ясперса).

А число сонетов Рильке, знаемых наизусть, доведено мною (уже в Томске) до сорока!

Но живется мне, несмотря на все это, очень, очень трудно: «озираясь на юность тревожно», я готов воскликнуть вместе с Блоком: «Какой-то жребий черный — мой долгий путь»¹⁶ (Вы не знаете ничего из ужасов моих «детства, отрочества и юности», да и что мы

вообще друг о друге знаем?!). Пишу об этом потому, что теперь «круг сомкнулся». Мама безнадежно, смертельно больна, крик камергера Браге¹⁷ непрерывно длится и стоит у меня в ушах, и под его нездешний уже звук я вижу воскресшими все ужасы моего «Котика Летаева»¹⁸ (у всякого свой!). И не верьте мне, будто я не знаю т.наз. «бесов», знаю, да еще как! Недавно опять привиделись, и я дико орал среди ночи, как иступленный...

Вечная моя благодарность Юлии Николаевне¹⁹: она целую ночь просидела у постели моей мамы в Рождественне, когда мама была больна пиэлитом (где теперь Рождественно? «Im Inneren»²⁰, по терминологии того же Рильке?) А теперь ее психическое состояние во сто раз хуже тогдашнего, и придется ее по настоянию врачей госпитализировать. Постоянно вспоминаю, как я, приехав в Рождествен-но из М<оск>вы, застал в нашей лачуге Ю.Н. со свечкой возле мамы. Никогда этого не забуду. Я сам в сто раз худшая сиделка у постели своей матери, чем Ю.Н. ... Простите неровный лирико-исте-рический тон этого письма. Уж очень мне трудно, и не удалось (да и не захотелось) эту жуть утаить от Вас... «О, бурь уснувших не буди: под ними хаос шевелится»²¹. Я сейчас во власти этого хаоса, — и попаду ли в космос? Бог весть.

С Новым годом Ю.Н. и Е.Е.И со старым счастьем (довоенным) и с новым (послевоенным)!

Привет и наилучшие пожелания Ю.Н. — Как устроились Ле-винские? Где В.П.?²² Привет всем им.

Всего хорошего! Ваш А.Неусыхин

P.S. Не знаете ли, где это А.Белый писал о 1933 годе, а также не знаете ли текст последней строфы «Художника» Вяч. Иванова²³ («Взгрустит кумиротворец-гений» — из «Cor ardens», т.1)?

Пишите! Поклон Пане и Светланочке²⁴. М.Н. и Лена²⁵ сердечно кланяются Вам и Ю.Н., а также семье Левинских, и поздравляют всех с Новым годом.

2. Е.Е.Слуцкому

Томск 3/Ш.42 г. 3-7/Ш

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо от 10-20/П. Простите, что не ответил на предыдущее письмо Ваше; я получил его в очень тяжелые дни: в ночь с 5-го на 6-ое февраля умерла моя мама (от кровоизлияния в мозг). После того периода в ее состоянии, который я Вам описал, внезапно наступило временное улучшение: она стала связно говорить, всех узнавать, а потом столь же внезапно начался резкий по-

ворот к худшему, мама затихла совсем и так в безмолвии и отошла., В последний день уже не могла ни есть, ни пить, а перед этим не могла самостоятельно даже повернуться на постели. 9/II она похоронена. Я написал некоторым людям о ее кончине (особенно тем, кто знал маму еще в расцвете сил), а другим послал ряд деловых писем, но Вам не писать о ней я не мог, а сообщать об этом Вам и Ю.Н. — близким мне людям, видевшим всю картину ее постепенного духовного умирания в течение ряда лет, было как-то необычайно тяжело. Я, м.б., и не нашел бы в себе сил сделать это и сегодня, если бы не Ваше прекрасное письмо, которое разбудило меня и вызвало во мне рой чувств и воспоминаний не о чем-нибудь конкретном, а воспоминаний из области моей внутренней духовной жизни и ее событий, не поддающихся выражению и определению. Вы правы, что надо выражать себя и что только в личном дается правда общая, которую, однако, нельзя оторвать от личного. Но мне всегда хотелось именно вынашивать, я был бессознательным противником афористической философии, и только Рильке и Jaspers убедили меня в том, что она может быть не поверхностной.

7/III.42. Вот, видите, письмо и оборвалось, и не так-то легко его возобновить. — Вы пишете: «Если всякое движение — вне абсолюта, то оно есть ложь и дьяволов водевиль. Но тогда — яма, и все в нее проваливается. Ибо среди самого священного на земле — этого не отмыслить — стоят события... Есть события, которые нельзя вычеркнуть, и если они — ложь и дьяволов водевиль... все летит в яму», Это верно, глубоко верно, но ведь в ряду событий есть не только положительное, но и отрицательное, негативное: и яма может быть событием, которое нельзя ни вычеркнуть, ни отмыслить. Я только что глубоко заглянул в такую яму, и каждое такое загляды-ванье в нее (а ведь это у каждого из нас бывает в жизни не один раз) оставляет неистребимый след в душе и тоже свидетельствуется «печатами» неизгладимыми¹, ибо что может быть более глубоко-личным, чем это? И сколько бы Рильке — а до него самые различные мудрецы мира — ни доказывали мне, что смерть не только яма и, м.б., даже вовсе не яма, а великое и простое «таинство» (Лев Толстой), я все же — даже не вступая с ними в спор по существу — должен буду, если только захочу остаться искренним с самим собою, констатировать, что, во-первых, для меня, переживающего смерть, она все-таки прежде всего яма, а во-вторых, даже при уверенности в том, что за нею — не только яма, неизбежно, чтобы попасть в эту иную сторону смерти, пройти через ту, которая символизируется ямой. Но ведь кроме смерти есть еще грех и вообще зло (вспомним Блока: «Смерть унести... душу спасти»²) — и все это, вместе взятое, может наличествовать и в царстве вечности, и в царстве времени, в ряду событий (и притом в ряду Событий с большой

буквы!). Куда же их отнести? О чем они свидетельствуют? Не о природе ли какой-то стороны абсолюта (независимо от проблемы движения и неподвижности, времени и вечности)? Это тот же вопрос, что и проблема негативных ценностей или идей с отрицательным содержанием в платонизме, неоплатонизме и у Августина, только перенесенная в сферу учения о разных ступенях времени. Но ведь Гете и Достоевский шли еще дальше (имею в виду Мефистофеля и Карамазовского черта) и готовы были чуть ли не все убывание» (события!) приписать взаимодействию добра и зла (в сущности, старая как мир дуалистическая идея, у Гете лишь сведенная к некоторому компромиссу путем смягчения зла до чего-то, лишь прищипывающего добро; да и у Достоевского, как мыслителя, почти то же самое). Если оставить в стороне этот смущающий меня пункт, то Ваша концепция разных градаций времени очень интересна. Но тут у меня новое сомнение: если «каждой ступени бытия соответствует свое время, то, значит, можно себе мыслить N-ое количество друг друга объемлющих или друг друга преодолевающих, снимающих „времен"»³. Но в таком случае здесь возникает та же безысходность на путях нашего мышления, что и в проблеме космоса как оформленного целого: за каждым таким целым должно приоткрыться новое, его объемлющее целое. Поэтому некоторые мыслители (Кьеркегор, Ясперс) и стали говорить о проблесках этого космического или истинного бытия, данных в нашем внутреннем опыте, избегая трактовать вопросы структуры космоса — или лучше: трансцендентного мира — как целого; они же развили учение о проявлении вечности в мгновении.

И по-моему, они и в том, и в другом пункте ближе к постижению истинного бытия, трансцендентного бытия, нежели все те, кто ищет во что бы то ни стало свести его в систему и изобразить в виде логически или эстетически ощутимого целого (от элейцев до В.Соловьева включительно). Однако «преображенное время», «которому не будет конца», — не есть ли это опять-таки «элейская неподвижность» под другим названием — не остановка ли это нашей мысли на какой-то ступени бытия и соответствующего ему времени? Итак: либо объемлющих друг друга времен — бесконечное множество, но тогда это — в самом деле дурная бесконечность и я, право, не знаю, слабые ли только головы от нее кружатся, ибо ведь никто из людей еще не проникнул за ее грань*; либо где-то, когда-то возникнет «преображенное время», которое «станет прозрачным и перестанет закрывать вечность» и «ему не будет конца», — но в таком случае Вечность все же в каком-то смысле будет неподвижной по отноше-

* У меня, каюсь, давно кружится голова и от этого, и от многого другого в том же роде. Но, м.б., и головокружение — признак какого-то реагирования на трансцендентное.

нию ко всем до этого бывшим ступеням времени, и в том числе даже к последнему преобразенному времени (видите, у меня даже слово «число» с пера сорвалось!), а следовательно, в абсолюте не будет примирено движение с неподвижностью; иными словами: мы возвращаемся к «элейству». Да ведь и «старик Гете» в цитированных Вами строках кончает тем же... («Und alles Drangen, ailes Ringen ist ewig Ruh in Gott dem Herm») ⁴, и то же самое говорит Гегель в «Феноменологии духа». Но для них обоих это вполне естественно, ибо они как раз стремятся поймать абсолют в тенета системы. Иной, противоположный путь намечает Jaspers, и он мне как-то сейчас больше по душе. Очень рад, что и Вас отвращает от В.Соловьева излишняя уверенность его знания и «неподвижность», «застылость» («и слились, как роса в океане, все житейские дни») ⁵, — а, м.б., в какой-нибудь из этих дней и было самое важное, прямо указующее на абсолют. Я и не говорил, что его неподвижность меня прельщает: и меня элейская неподвижность скорее удушает, чем чарует (чаровала когда-то давно, в юности). Я просто сравнивал в этом отношении Соловьева с Рильке и Jaspers'ом. Правы Вы также и в мысли о невозможности взвалить на плечи одного человека весь груз мифологии. (Кстати, о птеродактилях Соловьев говорит не только в книге «La Russie etc» ⁶, но и в статьях «Красота в природе», «Общий смысл искусства» и «Смысл любви».) Но в лирике я усматриваю не только новый миф о Софии — душе мира, но и многое другое, что мне, признаться, гораздо ближе этого мира и что, м.б., и противоречит его же собственному элейству (ср., напр., стихотворение «Миг» и «Les Revenants» ⁷). Интересно бы проследить под этим углом зрения разные струи в его лирике. Но, конечно, не так, как это делают «веды». Вы глубоко правы в вопросе о личном проявлении общей правды и о контексте данной индивидуальности. Если бы мне когда-нибудь довелось написать работу о Рильке (о которой иногда бесплодно мечтаю), то, конечно, лишь в стиле выражения своего внутреннего опыта на материале Рильке — или точнее — отражения итогов встречи с Рильке на жизненном пути. Но Вы совершенно верно указываете, что для этого надо иметь собственные встречи с трансцендентным. А если их мало? Если не хватит внутреннего опыта? И потом мне всегда представлялось такое писание, напр., о Рильке — как внезапный поток мыслей и чувств уже ранее выношенных без оформления, а не как собирание афоризмов.

Я не способен ни к собиранию, ни к афоризмам. Поэтому мне нужен объект, вне меня данный, который возбудил бы во мне эти мысли и чувства, а главное, пробудил бы склонность и способность к их выражению и оформлению. Словом, чтобы это сделать, надо из «веда» превратиться в «den Schauenden» ⁸, а потом синтезировать творчество с созерцанием; вот этот синтез-то мне и не дается: либо

созерцание так соблазняет, что творчество кажется и бранным, и не нужным, да и невозможным, либо берет верх стремление к творчеству, но при попытках осуществить его одолевает отвращение при мысли о том, что прибавить (в лучшем случае!) еще одну тысячу первую книгу «литературоведческого» типа к тысяче предыдущих, таких же скучных книг о любимом поэте, которые сам же старался не читать, чтобы не заслонить его от себя! И все-таки Вы правы, что нет печали печальнее, чем печаль молчания, и что мы поставлены свидетельствовать, но не о том, о чем грохочет история. Но вопрос в том, как свидетельствовать? Мне еще метод не ясен. Научите, если можете. С Вашим отзывом о Jaspers'e я в общем согласен, но знаете? — все-таки, пожалуй, иногда хорошо, что он переворачивает все вопросы так и этак: хотя меня это во время чтения не раз просто-напросто раздражало, тем не менее по самому процессу этого переворачивания на разные лады и хождения вокруг да около можно догадаться о той правде, которая лежит в основе всего этого, но не поддается выражению. М.б., он даже нарочно это делает (ведь в вводной главе к III-му тому он предупреждает — чем ближе к поискам «Transzendenz», тем все меньше удастся сказать). Дух хочет только угадываться и, замкнутый в форму, исчезает. Jaspers поэтому и не замыкает его, но намекает на него верчением вокруг да около в тех случаях, когда нельзя иначе: это лишь другой прием иносказания, такой же, как и врывающаяся в его философию лирика. Мне не кажется, что он все страшное из «das Bese»⁹ поместил в «Leidenschaft zur Nacht», наоборот, у меня создалось такое впечатление, что эта «Leidenschaft» и «Gesetz des Tages»¹⁰ у него лишь равноправные методы погружения в трансцендентное; но, м.б., я тут ошибся. Кроме того, в III томе оч. интересна еще глава: «Sein im Scheitern», а во II - «Unbedingte Handlungen» и «Absolutes Bewusstsein» (понятие «Scheitern», м.б., одно из самых интересных во всей его работе)¹¹. — Спасибо за новый вариант Вашего стихотворения и за выписки из А.Белого и В.Иванова. Стихотворение мне очень понравилось, особенно образы первой его строфы («ладонь», «ткань души» несет, «незримо»)¹² и мысли двух последних. Пишете ли еще что-нибудь? Пишет ли что-нибудь Юлия Николаевна? — Кто это — он, о котором Вы писали в предыдущем письме, я так и не понял (несмотря на все Ваши указания, в том числе и относящиеся к «Черепкам»¹³).

О Ваших финансовых делах я осмелился (без Вашего разрешения) написать от моего имени Д.М.Петрушевскому в Казань с просьбой поговорить с О.Ю.Шмидтом¹⁴ или написать ему, но почему-то до сих пор не получаю ответа. Не сердитесь на меня, Евгений Евгеньевич, за эту, м.б., медвежью услугу: ведь я прямо написал Д.М., что Вы об этом ничего не знали и инициатива моя. Рад, что

Вы хоть на 1/2 ставки пока зачислились. В общем же эта история еще более безобразна, чем та, которую со мной проделал в 1939 г. И-т Истории, ибо тогда по крайней мере не было эвакуации, да и Ваши заслуги перед И-том несравненно больше моих. Как здоровье и самочувствие Юлии Николаевны? У нас уже неделю хворает М.Н. — грипп с осложнением со стороны сердца. Что и как Левин-ские? Пишет ли Н.М. стихи? — Привет им всем. Получил 2 письма из М-вы, пока мои вещи, книги и комнаты целы (последнее от 28/11), но дом не отапливается и квартира опечатана до весны, а кроме того были вселены временные жильцы. Я послал туда квартплату по 1 марта. Получаете ли Вы что-нибудь из М-вы? И мы тоже едим свою тюрю... Всего, всего наилучшего! Сердечный привет от М.Н. и Лены Вам, Ю.Н. и Левинским.

Ваш А.Неусыхин

Привет Пане и Светланочке.

P.S. Хоть Вы и не любопытствуете, все же напомним Вам, что именно мыслит В.Соловьев о соотношении неподвижности абсолюта с движением во времени и с развитием самой истины: «В гегельянстве философский субъект ближе всего подходит к своему подлинному и окончательному определению — как становящийся разум истины. Но он... безумно воображает, что начало его разума истины — есть возникновение самой истины, его рост и развитие — ее собственный рост и развитие. Провозглашается нелепая идея о становящейся истине, о развивающемся абсолюте». (Подчеркнуто мною. А.Н.) (См. «Соч.», т. IX, стр.164, статью «Теоретическая философия»; ст. III, гл. VI).

Нашел у Jaspers'a прямое подтверждение того, что в «Leidenschaft zur Nacht» отнюдь не включено все «das Bese» и только оно: «Die Nacht, der ich mich wachen Auges ergab, ist nicht nichts, nicht das Bese als nur dieses, Jenseits von Gut und Bese... ist sie bese mir für den Tag, der doch fühlt, daß er nicht alles ist»¹⁵. (Bd. III, S. 106). (Подчеркнуто мною. А.Н.) Не напоминает ли это (а также и мысль Jaspers'a о невозможности синтезирования дня и ночи, об их исконной полярности: «erne entzündet sich an der anderen»¹⁶) следующие строки из «Brot und Wein» Holderlin'a

...und darum

Ist noch lieber, wie sie [die Nacht. А.Н.], dir der besonnene Tag.

Aber zuweilen liebt auch klares Auge den Schatten

Und versucht zu Lust, eh es die Not ist, den Schlaf,

Oder es blickt auch gern ein treuer Mann in die Nacht hin,

Ja, es ziemt sich ihr Kranze zu weihn und Gesang.

Weil den Irrenden sie geheiliget ist und den Toten,

Selber aber besteht, ewig, in freiestem Geist.

Aber sie mu|3 uns auch, dap in der zaudernden Weile,
 Dap im Finstern fur uns einiges Haltbare sei, Uns die Vergessenheit und das
 Heiligtumkene g6nnen,

Gormen das str6mende Wort, das, wie die Liebenden, sei, Schlummerlos, und
 vollern Pokal und kuhneres Leben

Heilig Gedachtnis auch, wachend zu bleiben bei Nacht".

Мне кажется, здесь выражена именно идея равноправия двух
 полярностей и их частичного взаимопроникновения, которая и составляет
 одну из основных мыслей (не говоря о прочем) данной главы Jaspers'a. —
 Ваше стихотворение я уже знаю наизусть, оно очень хорошо. Еще раз всего
 лучшего!

Ваш А. Неусыхин. 8/III-1942 г.

3. А.И. Рубину

15.III.42.

Дорогой Арон Ильич!

Что-то не ладится наша переписка! Как живете? Почему не пишете? Из
 последнего Вашего письма Марусе¹ и из писем Виталия² узнал с
 удовлетворением, что Вы поправились и операцию Вам делать не нужно и
 что Виталий, может быть, поступит в военное училище. Давно хотел
 поздравить Вас и Софью Сауловну³ с приездом Виталия в Омск и с Вашей
 радостью свидания с ним, но у меня самого настроение было настолько не
 радостное, что я все ждал Вашего письма.

6.II. умерла моя мать (от кровоизлияния в мозг) после полутора-
 месячных тяжелых страданий. На днях получил лаконическую телеграмму
 из деревни (под Ростовом Ярославским) о смерти СП. Моравского⁴. Задолго
 до этого, 3.X.41 г., в Боровом умер от саркомы печени (совсем неожиданно)
 эвакуированный туда Е.А. Мороховец⁵. В полученной мною на днях
 открытке из Казани от Д.М. Петрушевско-го он сообщает, что лежит в
 постели ввиду болезни сердца. А если принять во внимание его возраст (78
 лет), то и он «на роковой стоит очереди»⁸, Так удары рушатся на меня!
 Один за другим, и все то, что окружало меня в детстве и юности, уходит, а
 все те связи, которыми я оброс в зрелости, порваны бессмысленной
 катастрофой войны. Так я остался один — «голый человек на голой земле».
 (Если она сейчас еще не совсем голая, то только потому, что по ней
 проходят танки, пушки и несчастные звери-люди, приатки к «военной
 машине»; но после войны, чем бы она ни кончилась, земля, конечно, будет
 являть картину «Последней смерти» Баратынского или ...«Даешь Европу»
 Эренбурга.) От всего этого я ухожу... но не в работу, и не в себя, не в
 творчество и не в созерцание, а в какую-то нудную и бестолковую бол-

товню. Часто вспоминаю Ваше письмо из Москвы, в котором Вы изображали некогда столь знакомое мне состояние погруженности в себя, — самой безотрадной погруженности. Здесь важна сосредоточенность и наполненность души, А между тем во мне что-то сломалось: видимо, с детства сыпавшиеся на меня удары и ранняя привычка уходить от них в самопогруженность созерцания подорвали мои слишком слабые от природы силы; остался лишь темперамент, да какая-то упорная и неистребимая жажда жизни, несмотря ни на что. Они создают взвинченность без глубокого внутреннего содержания; у души нет уже сил на тоску, и вместо нее — внешняя живость при внутренней опустошенности. «Хвать-похвать, — а сердца нет. Сердце — крашенный мертвец» (Блок)⁷. — Условия жизни — кроме всего прочего — очень тяжелы: недавно серьезно была больна М.Н.; у ней был сильный сердечный припадок (впервые в жизни) на почве спазм сердечных сосудов, и после этого она две недели отлеживалась; но теперь уже принуждена ходить на базар.

Что будет дальше, — не знаю. Кроме того, я здесь в положении травимого зверя: сюда эвакуировался из Москвы некий «историк-профессор» в кавычках Э.Н. Ярошевский, б<ывший> преподаватель Ин-та Либкнехта. Этот «канис филиус»⁸, представляющий собой своеобразную помесь Чичикова и Ноздрева с Репетиловым, женат на КВШ⁹ (его жена — зав. отделом Пед. институтов и Университетов Липкина) и творит всякие гнусности именем этого почтенного учреждения, на беду находящегося в Томске. Он так живо напомнил мне Фридлянда¹⁰ и Пионтовского, что я не удержался и публично объявил ему, что он — клеветник и лжец (поверьте мне, что я при этом ни на иоту не отступил от истины). После этого он стал заявлять, что я в военное время призываю к академизму и действую так, как в Москве действовали в 1918 г. либеральные профессора, высланные впоследствии за границу,.. Наконец, он добился того, что его почтенная супруга вставила в приказ КВШ, подписанный его здешним главою — Агроскиным, упоминание о том, что кафедра всеобщей истории Пед. Ин-та, которой я заведу, не перестроила свою тематику на оборонный лад, между тем как все были довольны моей работой. Теперь мне предстоит обжаловать эту клевету, хотя мне все это надоело до чорта. Но он — из породы упырей: присосется и не отпустит. Не подумайте, что он из меня уже всю кровь высосал: в Университете, где я сейчас на основной работе (в Пед. Ин-те я совместитель) меня ценят и даже выдвинули недавно в ударники. Но плохо то, что он и там, и здесь, и везде стремится делать пакости. Провинциальное болото ненавидит его, но боится замутить свои стоячие воды, — Недавно он распустил по всему городу слух, что я — сумасшедший, только что перед самой войной выпущенный из Пре-

ображенной. Забавно? Ну, чем не Грибоедовская Москва? — Но довольно об этом. — Напишите, какое впечатление произвело на Вас «Возмездие» Блока. Эта поэма полна пророчеств. Я думаю, что если после войны еще сохранится не только книгопечатание, но и мышление, то можно будет написать книгу на тему: «Опыт философии нашей эпохи» (хронологические рамки — от 900-х годов до 40-х, к каждой главе которой можно подобрать исчерпывающие ее содержание эпитафии из одного только Блока. Например: «стоит над миром столб огня»; «над всей Европою дракон, разинув пасть, томится жаждой»; «и черная земная кровь сулит нам, раздувая вены, все разрушая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи»¹¹ (последнее я недавно цитировал в публичной лекции в лектории ТГУ на тему: «Исторический миф „Третьей империи...“»¹², в присутствии Маруси и Лены); «я не первый воин, не последний: долго будет родина больна»¹³; «О, если б знали, люди, вы холод и мрак грядущих дней»; «Все небо скроет гнусный грех, на всех устах застынет смех, тоска небытия»¹⁴; «Покой нам только снится сквозь кровь и пыль... Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль»¹⁵; «Он к неизведанным безднам гонит людей, как стада»¹⁶; «В те годы дальние глухие в сердцах царили сон и мгла»¹⁷ и многое, многое другое — всего не перечислишь! И эти эпитафии были бы, пожалуй, выразительнее самой книги, кем бы она ни была написана. Настолько «эпохальна» поэзия Блока, — но сквозь эту эпохальность — вневременна. Рильке — наоборот: прежде всего он обращен внутрь, да и в космос устремлен созерцательно, и в силу этой вневременности выражает и «эпохальное» и вечное.

Поэтому он мне ближе, и я его все время перечитываю (я привез сюда все 7 томиков). Завез я сюда и II-III томы «Философии» Ясперса и осенью, до начала занятий в вузах, проштудировал их целиком с большим интересом. Поразительна близость его основных устремлений — при всей вариации подробностей — к Рильке, Блоку и всей символистской поэзии (мистического ее направления, хотя он и отрекается от мистики). Страшно заинтересовала меня одна вещь Леопарди, которую я перевел при помощи словаря, — «L'infinito»¹⁸. Поэтому очень прошу, если можно, оставить у меня на некоторое время Леопарди и Данте. Научусь ли итальянскому, не знаю, но хочется попробовать.

Еще раз поздравляю Вас с возвращением Виталия и желаю вам всем всяческого благополучия. Привет Софье Сауловне. Как ее здоровье? Лена и М.Н. кланяются всем троим. Особенный привет от меня Виталию.

Ваш А.Неусыхин

Р.С. Получаю письма от Е.Е. Слуцкого, Т.И. Райнова и Е.А. Косминского¹⁹ (все трое в Ташкенте); одно письмо получил от Р.Ю. Виппера²⁰ (из Ташкента); Д.М. Петрушевский до сих пор регулярно писал мне из Казани; немало пишут мне и бывшие студенты-ифлий-цы, и их письма меня утешают.

4. Е.Е. Слуцкому

17.VII.42

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Давно получил Ваше подробное письмо от 10-25.VI, но все поджидал возвращения из Ташкента «окказиента» (термин Т.И.¹), с которым я послал и Вам письмо (через Т.И., не желая одного «окка-зиента» затруднить хождением в разные места). Но — увы! к великому моему огорчению от Вас он письма не привез... Получили ли Вы хоть мое, посланное с ним?

Очень тревожат меня Ваши финансы. Написал на днях Дмитрию Моисеевичу² с просьбой обратиться по Вашему делу к новому вице-президенту В.П. Волгину³. Это — совсем не то, что О.Ю.⁴: к тому Д.М. счел для себя неудобным обращаться, а к В.П. он, конечно, напишет, — если только сам Д.М. здоров. На беду я не уверен в этом: очень беспокоит меня длительное молчание Д.М., который обычно писал мне аккуратнейшим образом по 2-3 раза в месяц, а теперь — от него ни звука больше месяца: последняя открытка — от 30 мая, да и в той он жалуется на то, что способен только лежать. Утешаюсь лишь мыслью о возможной пропаже его писем. Во всяком случае очень советую Вам без обиняков, долго не раздумывая, написать В.П. Волгину частное письмо (ничего, что Вы с ним не знакомы: он — человек участливый и очень любит помогать настоящим ученым, невзирая на их «положение»); изложите ему все обстоятельства Вашего возмутительного отчисления из Ин-та математики А<кадемии> Н<аук> и укажите на создавшееся для Вас безвыходное материальное положение, — к тому же совершенно Вами не заслуженное. Мотивируйте Ваше обращение к нему тем, что Вы исчерпали «все пути и перепутья» восстановления справедливости и что Вам просто некуда обращаться, кроме президиума АН (а он теперь — первый вице-президент). Простите, что вторгаюсь в Ваши частные и личные дела; но, во-первых, я делаю это только из искреннего желания оказать Вам посильную помощь, а во-вторых, Вы ведь сами пишете, что хотели бы еще раз обратиться в Президиум, но не знаете, с кем посоветоваться; так вот Вам совет, за которым даже и ходить по африканской жаре не надо, а он сам к Вам придет по почте... И еще одно: напишите, ради Бога, сами Дмитрию Моисеевичу, это очень его обрадует в его теперешнем одино-

ком и болезненном состоянии. — Адрес Вячеслава Петровича Волгина: Свердловск, ул. Луначарского, д. 85, кв. 8. Он уезжал на месяц в Москву по делам, но, как я точно узнал от очевидцев, в начале июля вернулся в Свердловск.

Насчет мануфактуры и «вклада Ташкента в теодицею»⁵ вполне с Вами согласен, тем более что никогда не сочувствовал непротивленчеству, — если только оно не принимало характер акосмического квиетизма в буддистском духе, к которому меня иногда сильно тянет (зато к толстовству, как вероучению, всегда был равнодушен). Но и от вопросов Ивана Карамазова тоже отмахиваться нельзя, — особенно ссылкой на его лета: дескать, «молоды Вы очень, а это не-хорошо-с!» Не следует забывать, что его устами глаголет какая-то половина самого Достоевского, — м.б., та самая, к-рая могла бы о себе сказать словами Мефистофеля: *Bedenkt: der Teufel, der ist alt, so werdet alt, ihn zu verstehen*⁵.

И в самом деле: ведь в этих вопросах — не молодость и незрелость, а старость и перезрелость духа человеческого, — м.б., именно «оставленность духом»: недаром они волновали человечество искони — и именно в критические эпохи его жизни, — в поздние века греко-римской культуры, в XIX-XX-м веке (вспомним хотя бы Бай-роновского «Каина»: ведь Иван Карамазов — прямой его преемник, даже сын его духовный). А какие твердые, хорошие строки есть на этот счет у М.Волошина?⁷ Прочитайте, если можно! — Согласен, что страшно смотреть в голодные детские глаза, и вполне понимаю тягостность и мучительность сознания своего бессилия оказать по-мощь нуждающимся в ней друзьям, ибо и сам это постоянно испытываю, У нас под боком — семья брата М.Н., буквально голодающая, но сделать мы для них почти ничего не можем, ибо и сами недалеко от них ушли.

В конце февраля умер под Ростовом-Яр<славским> б<ывший> директор Ростовской гимназии, а впоследствии большой мой друг историк С.П. Моравский, связанный с Д.М. пятидесятилетней дружбой. Это был очаровательный человек; умер он внезапно, оставив беспомощную жену и двух девочек (школьницу и студентку) без всяких средств к существованию. И вот уже скоро полгода, как я собираюсь все им что-нибудь выслать, да так и не смог выслать ни копейки. Отношение же сограждан (да еще более или менее благополучно устроенных «друзей») к семье Левинских очень типично. Хорошо хоть, что и Вы, и они очутились в одном городе: все-таки легче. Хорошо, что видаетесь с Вашими ташкентскими друзьями и это Вам облегчает жизнь, Рад, что Анна Васильевна поправилась, а Надежда Михайловна стойко переносит все страдания: и этому приходится «радоваться»... Устроился ли теперь Валентин Павлович? Какие вести приходят от Сергея? Передайте, пожалуйста, мой самый сердечный привет

всей семье Левинских и в частности Н.М. и В.П. — Отрадно все-таки, что Вы и Ю.Н. находите утешение в Светланочке.

К демонизму у меня всегда было двойственное отношение: с одной стороны, он совсем не в моем стиле, ибо я скорее люблю тишину, созерцание, погруженность в себя и в мир*, — или уж творчество, активность, но не демонические изломы; с другой стороны, т.н. «демонические люди», так сказать, носители демонизма (если только он — подлинный, глубокий и серьезный демонизм, а не маска бесплодной пустоты) всегда очень интересовали и привлекали меня, но не потому, что мне хотелось заразиться их демонизмом, который меня манил, а потом излечиться от него, т.к. он меня отпугивал, — а по другой причине, Мне всегда ужасно хотелось понять и прочувствовать, как это демонические люди (отнюдь не бесы) сами страдают от своего собственного демонизма, тяготятся им, но не только не могут его сбросить с себя, а — наоборот — ни за что не пожелали бы расстаться с ним. Никакие человеческие страдания (имею в виду, конечно, духовные муки) никогда не вызывали во мне такого сострадания (говорю это прямо, хотя отлично понимаю, что это плохо меня рекомендует), как мучения человека от сознания собственного его демонизма. Словом, страдания грешника мне ближе, чем страдания праведника. Вы скажете: «значит, и в Вас самом торчат черты демонизма». Кто знает? (Насчет греховности, конечно, не приходится сомневаться, но ведь греховность и демонизм — разные вещи,) Во всяком случае, недаром моим любимым художественным произведением в дни юности моя была Лермонтовский «Демон», а ведь там главное именно в страдании от собственного демонизма при неспособности (и, в сущности, — как это обнаруживается в конце, — при глубинном, хотя ранее и не осознанном нежелании расстаться с ним); недаром любил я и образ Ивана Карамазова, где — совсем по-другому — тот же лейтмотив**. Но лишь значительно позднее стал я добираться до понимания м.б. самого глубокого и гениального образа носителя демонизма в мировой литературе — Николая Ставрогина. Ведь и он страдает от демонизма и жаждет сбросить его с себя и не может избавиться от этой жажды, но и прожить ни минуты не может без своего демонизма, к-рый ему удастся убить в себе лишь вместе с самим собою (ср. его предсмертное письмо и замечательную, хоть и ужасную главу «У Тихона»). Пусть Достоевский называет его лицо маской, пусть он — «гроб повапленный», пусть он сам хочет «истребить себя, как подлое насекомое», но все же он — единственный не-бес в романе «Бесы» (я не говорю о Ша-тове и Кириллове, ибо те уходят из общества «бесов», а Ставрогин

* вплоть до попадания в небытие и пустоту, когда не дается погружение в Бытие...

** Имею здесь в виду не рассуждения Ивана, а его подсознание и жизненное поведение.

все время продолжает с ними «водиться»). Он должен был бы быть самым Сатаной, Люцифером (недаром все «бесы» — и крупнейший из них — Петр Верховенский — выются вокруг него), но он Люци-фер-«расстрига», ех-Вельзевул, а м.б., никогда им не был: ибо в нем противоположные полюсы бесовства, но в то же время и полюсы «добра и зла» так абсолютно нейтрализовали взаимно друг друга, что он стал Абсолютным Нулем с большой буквы — в деятельности, в творчестве и даже в разрушении, вообще — в плане активности; но на какой-то более глубокой глубине, чем активность, он не просто нуль («из меня вылилось одно отрицание»), даже не «Абсолютный Нуль», Нуль всех Нулей, а скорее Небытие в Парменидовском смысле, вернее носитель его, Титан с одним только отрицательным знаком, без положительного, Микула Селянинович, у к-рого вся сила ушла в землю. Но если безмерно трудно человеку вместить в себя Бытие, то столь же трудно вместить и Небытие!

Отсюда — срывы в зло и демонизм, «Abwandlungen», «unechte Gestalten»⁸, как сказал бы Jaspers. (Это — то, что у Достоевского дано как «масочность», капризы «изломанного барчонка», «сломанный баркас вместо ладьи», приступы безумия вроде откушенного или укушенного — ей-Богу, не помню, да и не важно! — уха у губернатора и проч.) Так Ставрогин из носителя Небытия, Нирваны стал (в противоположность человекобогу, о к-ром мечтает Кириллов) «человекобесом»: т.е. человеком, в котором поляризовались все возможные «бесы», но которого именно поэтому не одолел ни один из них. Ставрогин стал Ставрогиным, так как не смог стать Буддой, подобно тому как Мышкин стал Мышкиным, т.к. не мог стать Христом. Христос — богочеловек, т.е. воплощение в человеческом образе полноты божественного и мирового Бытия; Мышкин — человекобог, ибо он — искаженный отблеск, бледный человеческий ответ одного из лучей этого Бытия («мир — лишь луч от лика друга, все иное — тень его»⁹); но все доступное человеку, как носителю Бытия в индивидуальной его персонификации, сосредоточено в этом ответе как в человеческом фокусе божеств<енного> луча. И все-таки он терпит крах, ибо «человекобог» невозможен, немислим, хотя это совсем не тот человекобог, о котором говорил один известный зап<адный> философ¹⁰ (т.е. не «сверхчеловек», убивающий Бога, чтобы самому стать таковым, и не Кирилловский человекобог, убивающий себя). Мышкин, напротив, лишь покорно и смиренно воплощает в себе божеств, начало («sein Wachsthum ist: der Tiefbesiegte von immer Grosserem zu sein» из Rilke «Der Schauende»¹¹), т.е. принимает в себя полноту Бытия, но смирение невольно и роковым образом перерастает в «Hybris»¹², и сосуд,местилище, носитель этой полноты не только искажает данный ему образ ее (ведь Мышкин болен), но и сам гибнет.

Будда — воплощение Небытия, Нирваны именно потому, что он — Бог. Но человеку быть носителем Небытия с большой буквы так же невозможно, как и носителем Бытия; если последний заболевает слабостью и тонет от неспособности на всех излить бледный отсвет великого луча, то первый впадает в бесплодную властность, лишенную содержания (не это ли есть дефиниция демонизма, если она возможна?), и гибнет от превращения Небытия в поляризованное Зло. У Мышкина Бытие искажается, превращаясь в недостаточную силу добра, в прямое его бессилие в этом мире (что несомненно есть искажение Бытия-Добра, ибо сказано, что пшеничное зерно, умирая, приносит плод, Мышкин же умирает бесплодно). У Ставрогина Небытие искажается, превращаясь в зло, но не в плодотворное зло, как фермент добра («Kraft, die stets das Bose will und stets das Gute schafft»¹³), а в бесплодное и даже бездеятельное зло* (оттого в нем и разочаровывается настоящий «бес» Петр Степанович, видящий, как «Иван-царевич» превращается в «старый баркас»). Но Христос мог вместить все Добро-Бытие, точнее все Бытие, сделав его Добром, Будда мог вместить все Небытие, отняв у него жало зла (но, конечно, не сделав его Добром). — И вот, этот Ставрогин сам безмерно страдает от своего ставрогинства, и его страдания меня глубоко волнуют (да как бы он и мог не страдать?!). Ставрогин — не бес, не демон, а лишь носитель разных демонизмов. Главный «бес» — Петр Степанович; он — нечто вроде Мефистофеля при Фаусте (вспоминаю Вяч. Иванова «Stawrogin ist ein ins Negative gewendeter Faust»¹⁵, хотя я скорее сравнил бы его с Манфредом, как Ивана Карамазова — с Каином¹⁶). Ставрогин и Мышкин — два крайних полюса гениальных попыток Достоевского свести Божество на землю — а м.б., и стремления вместе с тем показать невозможность такого сведения. — Поэтому Ставрогин в конце романа как бы разоблачается автором (да и, как это ни странно, — Мышкин тоже!).

18.VII.1942

Простите этот экскурс в «демонизм» и «страну неведомую небытия». Я недавно (клочками!) перечитывал «Бесов» (их читает — с ужасом и отвращением — Лена) и нахожусь под сильным их впечатлением. Но они лишь толчок к моим рассуждениям, — к-рые могут показаться Вам — дикими... —

Теперь о Тютчеве и Гёльдерлине. Выписываю для ясности целиком «Два голоса» Ф.И. Тютчева (на обороте), — в надежде на

* Хотя это — на первый взгляд — nonsens, contradlctio In adjectol¹⁴

то, что стихотворение Holderlin'a у Вас сохранилось (очень лень его еще раз переписывать)*.

Основная моя мысль — сопоставление различных путей преодоления человеческой активности и «Verganglichkeit»¹⁷ и божественного покоя и бессмертия у Тютчева и Holderlin'a**.

Для этого важно прежде всего установить, какие «два голоса» имеет в виду сам Т<ютчев> и что им соответствует у Н<holderlin'a>. — Полагаю, что первый голос у Т. звучит в строфах № 1-2, а второй — в строфах № 3-4. Доказательства: 1) Рифмовка: в строфах № 1-2 строчки рифмуются подряд, причем в первых двух строках каждой строфы — женские рифмы, а во второй паре строк — мужские; в строфах № 3-4 — перекрестные рифмы (через строчку), и женские рифмы перекрещиваются с мужскими.

2) Текстология: цифры «I» и «II» поставлены в автографе альбома Бирилёвой и в списке Мурановского альбома. Больше никаких списков нет. Разночтений между автографами и традиционным текстом всех изданий тоже нет, — кроме отсутствия этих цифр во всех печатных изданиях, начиная с публикации стихотворения в «Современнике» за 1854 г. и кончая изданиями А.Н. Майкова 1886 г. и Быкова—В.Я. Брюсова 1913 г. (приложение к «Ниве»). В изданиях Г.И. Чулкова и Пигарёва цифры совершенно закономерно восстановлены (вероятная дата написания стихотворения — 1850 г.).

3) Содержание стихотворения. Первые две строфы в целом говорят не то, что последние две, взятые как целое. Правда, каж-

* I

№ 1 Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!

Над вами светила молчат в вышине,

Под вами могилы — молчат и оне.

№ 2 Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:

Бессмертье их чуждо труда и тревоги;

Тревога и труд лишь для смертных сердец...

Для них нет победы, для них есть конец.

II № 3 Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,

Как бой ни жесток, ни упорна борьба!

Над вами безмолвные звездные круги,

Под вами немые, глухие гроба.

№ 4 Пускай олимпийцы завистливым оком

Глядят на борьбу непреклонных сердец.

Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,

Тот вырвал из рук их победный венец.

** По-моему, Тютчев, встречавшийся с Шеллингом в 20-30-х годах, не мог не читать Нурегюн'a, а т.к. в нем уже содержится замысел Эмпедокла, то Т. мог откликнуться не только на первый, но и на второй голос Г, Это — не влияние, а лишь переключка голосов.

дая половина стихотворения начинается как будто с вариаций на одну и ту же тему: борющиеся люди и молчащая природа («светила — могилы», «звездные круги — глухие гроба»); вариации проникают и дальше — в строфы № 2 и № 4: «блаженство богов», «бессмертных», «не знающих труда и тревоги», противопоставляется той борьбе (с чем? с кем? во имя чего?), к-рую ведут люди пред лицом молчащей природы. Но тут и начинается разница, и отчетливо выделяются два голоса. Первый говорит:

Тревога и труд лишь для смертных сердец:
Для них нет победы, для них есть конец.

Второй подхватывает сначала мотив противопоставления, утверждает в конце концов нечто прямо противоположное:

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец!

Итак: для «первого голоса» — победа людей в их борьбе невозможна («нет победы»), возможна лишь смерть («для них есть конец»); для и сама борьба беспредметна (неизвестно, с кем и во имя чего они борются); для «второго голоса» — победа возможна, но лишь как видимое поражение в борьбе с роком (вводится новый, очень важный, мотив рока), сама смерть становится победой, борьба не беспредметна: она ведется с роком, по-видимому, во имя самой борьбы, к-рая призвана демонстрировать непреклонность людских сердец; недаром олимпийцы глядят на них «завистливым оком».

Вся концепция первой половины стихотворения сдвигается: противопоставление олимпийского спокойствия и человеческой смятенности, тревожности I голос решал в пользу олимпийцев, а второй решает его в пользу человека. Первый голос говорит: боги блаженны, бессмертны, бестревожны; люди испытывают страдания (от безнадежной и одинокой борьбы), они смертны, полны тревоги, знают лишь труд и поражения. Второй голос говорит: и у богов есть причина завидовать людям: именно потому, что боги блаженны, бессмертны, бестревожны (а этого и II голос не отрицает), им недоступна непреклонность борьбы с роком, превращающая смерть бранных и преходящих людей в победу, венчающая их страдания победным венцом (ибо и II голос отнюдь не отрицает того, что удел людской — страдания, тревоги, смертность, брнность и проч.). Следовательно: оба голоса сходятся в констатировании сущности самой противопоставленности богов и людей, в

описании факта; но резко расходятся в его толковании и оценке. — Теперь внимательный взгляд уже легко подметит, что различие голосов начинается еще раньше, уже в первых строфах каждой половины стихотворения, т.е. в строфах № 1 и № 3; в самом деле: в строфе № 1 (I голос) борьба названа «неравной» и «безнадежной»; в строфе № 3 (начало II-го голоса) она названа «упорной» и «жестокой», но эпитет «безнадежный» исчез; это стоит в прямой связи с тем, что I голос говорит «нет победы», «есть конец» (а значит, и борьба безнадежна), в то время как II голос говорит о «победном венце».

В целом стихотворение как будто дает трихотомию: бессмертные, блаженные боги — борющиеся люди — молчаливая природа, но в конце появляется нечто новое — Рок (отношение к нему богов не выяснено). Стихотворение (несмотря на тон медно-звучащего гимна) соткано из тончайших нюансов и вариаций, незаметно и в очень лапидарной форме переходящих одна в другую, что легко может ввести в заблуждение (долгое время и вводило меня в таковое), Но все же синтеза антиномии Тютчев не дает, — разве лишь в духе своеобразного «amor fati»¹⁸, который, впрочем, совершенно не развит и не раскрыт. (Стихотворение поэтому все-таки остается глубоко пессимистическим.) Такой синтез пытается дать Holderlin, — но не в одном стихотворении «Hyperions Schicksalslied»¹⁹ (вошедшем в роман «Hyperion»), а во всем его творчестве в целом (в окончании этого романа, в «Эмпедокле», в элегиях и поздних гимнах). Поэтому оч. прошу Вас перечитать стихотворение Н. и, если Вам все это не наскучило, последовать за мною от Тютчева к Holderlin'у. —

Стихотворение «Hyperions Schicksalslied» я сближаю с I голосом Тютчева, между ними есть ряд отличий, но в основном сходство. Сходное: и там, и здесь блаженные боги (selige Genien), бессмертные (blithet ewig ihnen der Geist²⁰), бестревожные («wie der schlafende Saugling, atmen die Himmlischen», «.. blicken in Stiller ewiger Klarheit»²¹) противопоставлены страдающим людям, бранным, преходящим, для которых есть лишь тревога и конец («Doch uns ist gegeben auf keiner Statte zu ruhn»; «..Es schwinden, es fallen die leidenden Menschen... jahrlang ins Ungewisse hinab»²²). Различное: 1) у Н. с особой силой подчеркнута бранный, преходящий людей («Es schwinden, es fallen die leidenden Menschen blindlings von einer Stunde zur andren, wie Wasser von Klippe zu Klippe geworfen, jahrlang ins Ungewisse»), зато сов<ершен-но> отсутствует Тютчевский мотив борьбы и молчащей природы (вообще в данном стихотворении Н. нет трихотомии). 2) Зато у Н. дано сопоставление с Роком не людей, а богов и подчеркнута, что они не знают судьбы (schicksallos²³ wie der schlafende Saugling

atmen die Himmlischen); а об отношении людей к Року у Н. нет ничего*. Но в том же романе «Hyperion», в «Эмпедокле» и проч.

1) появляются все Тютчевские мотивы из II-го голоса и 2) антиномия преодолевается полнее, чем у Тютчева. Иными словами: и у Н. есть «II-ой голос», и звучит он даже убедительнее Тютчевского (стихотворение Н. «Schicksalslied» кажется пессимистичнее Тютчевского лишь в том случае, если мы сопоставляем его с обоими голосами Т., а это неверно, ибо оно соответствует лишь I-му голосу Т.); только его надо искать не в самом Schicksalslied, Да это и понятно: ибо мироощущение этого Schicksalslied'a лишь этап в эволюции Hyperio'a-Эмпедокла-Holderlin'a. Следить за ней я здесь не смогу (ни в один конверт письмо не влезет!), но сделаю все же несколько намеков. Вот они: 1) В конце романа «Hyperion» уже намечено преодоление антиномии «Schicksalslied», а тем самым и основной Тютчевской антиномии.

Но если в самом понимании у Т. и Н. имеются лишь отд<ельные> расхождения, то в преодолении ее они все более и более расходятся; т.е. II голос Тютчева говорит не то, что II голос у Н., хотя отдельные мотивы этого голоса Т. уже имеются и во II голосе Н. — Роман кончается тем, что Hyperion, сидя в полдень в тени обвитых плющом скал, внезапно услышал голос умершей Диотимы. Тогда он понял, что она — в природе, с которой она воссоединилась через смерть: «Diotima, wo bist du, rief ich! Bei den Meinen bin ich, rief sie, bei den Deinen»²⁴. Обращаясь к природе, Hyperion восклицает: «O, lass sie [die Menschen. — A.N.] untergehen, so kehren sie zu deiner Wurzel wieder»²⁵ [тут уже замысел Эмпедокла!]. И далее: «Auch wir, auch wir sind nicht geschieden, Diotima, ... Lebendige Tone sind wir, stimmen zusammen in deiner Wohllaut, Naturl ... O Seele, Seele, Schönheit der Welt I ... du bist; was ist denn der Tod und alles Wehe der Menschen? ... Geschiehet doch alles aus Lust und endet doch alles mit Frieden. Wie der Zwist der Liebenden sind die Dissonanzen der Welt. Versöhnung ist mitten im Streit, und alles Getrennte findet sich wieder. Es scheiden und kehren im Herzen die Adern und einiges, ewiges, gluhendes Leben ist altes»²⁶ [ср. в одном из вариантов к «Гипериону»: «Und horten wie nie die Melodien des Schicksals rauschen? Seine Dissonanzen bedeuten dasselbe»²⁷].

2) Итак, преодоление — в возвращении к источнику все-единства (All-Einheit), к населенной богами природе. Но это возвращение приобретает жертвенный характер; оно происходит через смерть и борьбу с Роком (вот один из Тютчевских мотивов!), Уже в «Hyperion'e» читаем: «Die Welt hat doch Eine Opferstätte, wo dudich entledigen magst... Du kehrest zu den Gottern, kehrest ins heilige,

* Хотя стихотворение наз<ывается> «Песня судьбы».

freie, jugendliche Leben der Natur»* И еще: «Wo ich ... die überwallende Seele auszugießen wünschte, wie einen Opferwein in den Abgrund des Lebens»²⁹ (слова Диотимы о самой себе). В последних вариантах «Эмпедокла» и в замечательной по философской глубине статье «Grund zum Empedokles»³⁰ Н. подробно развивает эту идею и показывает, как Эмпедокл [тот же выросший до всемирно-исторических и космических размеров Hyperion, который некогда сложил раздирающую душу «Песню судьбы»] проходит через раздвоение с самим собою, с природой и богами, с людьми для того, чтобы стать лишь «моментом» (в чисто Гегелевском смысле) борьбы двух начал — человеческого и нечеловечески-«природного», космического («органического» и «аорганического», по его терминологии) и через временное слияние обоих в нем, а затем через их неизбежное разъединение и через жертвенную смерть их носителя Эмпедокла («момента» встречи двух начал, кажущегося, мнимого воплощения их гармонии) явить миру и принципиальную возможность их синтеза, и его невоплотимость в индивидуальном носителе, ибо иначе «жизнь мира отмерла бы в единичности» («das Leben einer Welt in einer Einzelheit absterbe»), «всеобщее потеряло бы себя в индивидуальном» («das Allgemeine im Individuum sich verlore»). А так как последнее по Н. невозможно, то «тот, кто, казалось бы, наиболее полно решает проблему судьбы («das Schicksal lost»), наиболее явным образом обнаруживает себя как жертву». «Так в Эмпедокле индивидуализируется его эпоха, и чем более она индивидуализируется в нем, чем более блестящим, действительным и зримым образом в нем решается ее загадка, тем неизбежнее его гибель» («Grund zum Empedokles»),

Как видите, Тютчевская борьба с Роком из чисто индивидуального подвига «непреклонных сердец» превращается здесь во всемирно-историческую, всечеловеческую, космическую миссию. Отсюда — один только шаг до попыток синтеза Диониса и Христа в поздних гимнах Н. и в его «Brot und Wein»³¹, до стремления сочетать Гераклитовское «Единое в самом себе различимое» с Парменидовским Небытием-Бытием...** Вот как далек Гельдерлиновый II голос от Тютчевского и насколько полнее его преодоление антиномии!

3) И все-таки у Г. есть и Тютчевская трактовка борьбы с роком, только на более раннем этапе развития Г. Так, в первой половине романа «Hyperion» встречаются и такие строки (представляю-

* Это Диотима говорит Hyperion'у.

** Вот — «Kernpunkt»³² моего доклада! Для этого мне и вся параллель Т, и Н. понадобилась. Но она от этого не перестает быть фактом, — для меня несомненным.

щие из себя между прочим даже не ритмич<ескую> прозу, а просто стихи):

«Des Herzens Woge schaumte nicht so schon empor und wüirde Geist, wenn nicht der alte stumme Fels, das Schicksal, ihr entgegenstanden»³³.

4) Наконец, и образ молчащей природы не чужд Гёльдерлину, — правда, в не-Тютчевской постановке: «Beständigkeit haben die Sterne gewählt... Wir stellen im Wechsel das Vollendete dar; in wandelnden Melodien teilen wir die großen Akkorde der Freude... Mit dem flüchtigen Lebensliede mildern wir den seligen Ernst des Sonnen-Gottes»³⁴ (из «Hyperion'a»). Так и у Г. можно найти трихотомию: боги — молчащая природа — люди. Но у него чаще боги отождествляются с природой, а в конце" его творчества политеистический пантеизм сменяется монистическим, и вообще пантеизм уступает место поискам персонификации Все-Единого (Дионис и Христос). «Эмпедокл» и есть опыт такой персонификации; но в человеке она невозможна ввиду его единичности и преходящести: отсюда неизбежность жертвенной смерти, — «Soweit Tjutcheff und Holderlin»³⁵. — Т.к. меня просил в одном из писем Т.И. Райнов рассказать ему содержание моего доклада, то прошу Вас при встрече с ним показать ему соотв. часть моего письма (если он этим заинтересуется). Почему Вы не откликнулись на Самаринский перевод «Halfte des Lebens»?³⁶ Понравился ли он Вам? Жду Вашей критики. Горячо приветствую Ваше предложение переписываться регулярно. Но что я могу сказать? «Fed quod potui»³⁷. А Вы вот все рвете — страницы и даже целые письма. Я с удовольствием подобрал бы и прочел бы эти клочки... Очень интересно было бы получить новые стихотворения Ю.Н. Попросите ее, пожалуйста, от моего имени переписать их и прислать мне, и передайте ей, пожалуйста, от меня, М.Н. и Лены самый горячий дружеский привет. То, что Вы пишете о моей пустоте, затронуло во мне созвучные струны. Но об этом как-нибудь в другой раз. Одно только скажу пока: «одна из острейших Grenzsituationen» — c'est le mot³⁸. А вот «оставленность духом» — не знаю: я это ощущаю как-то иначе, но не могу сейчас определить, как. Жаль, что Вы порвали страницы с замечаниями на этот счет! Жду их восстановления. Менее всего Ваши письма производят на меня впечатление «мертвенности»; наоборот: они меня будят, толкают: видите, сколько я исписал и ... ничего не порвал (м.б. это-то и плохо, но... «еже писах, писах»). Кстати (или некстати, но все равно!): тема Тютчев — Гёльдерлин имеет для меня внутренне ближайшее отношение к теме: Ставрогин — Мышкин, как носители демонического и божеств, начал (ср. тему Т. — Г., стр. 10-12, «Намёки», § 2 и § 4, стр. 13³⁹). — Всего, всего наилучшего, дорогой Евгений Евгеньевич! Обязательно напишите В.П. Волгину и Д.М. Петрушев-

скому. Если и Вас посетят музы — пришлите мне их песни, а также и новые стихи Н.М., если таковые имеются. Жду ответа. Ваш А.Неусыхин

18.VII

Евгений Евгеньевич!

Т.к. письмо непомерно разрослось, то посылаю его Вам одновременно в двух конвертах (двумя заказными): № 1 — стр. 1-26; № 2 - стр. 27-50.

Ваш А.Н.

5. Е.Е.Слуцкому

31/XII-42 г.

Дорогой Евгений Евгеньевич!

С Новым Годом! Встречаю его в постели (у меня грипп — второй подряд). Хочу ответить на Ваше письмо от 1/XII. Зачем и за что перечеркивать предыдущее Ваше письмо. Разве подлинные человеческие страдания и простые человеческие чувства вовсе не достойны упоминания и выражения? Неужели они нуждаются обязательно в художественном преображении или эстетическом оформлении? Почему не хотите Вы допустить, чтобы без слова сказаться душой «было можно»? («Без слова» — в смысле художественного воплощения; я нарочно видоизменяю Фета¹). Может быть, это и есть самое важное? «Auf kurzem Pfad (а м.б., и «auf langem») bin ich dir dies und du mir so gewesen. Ist das nicht Licht und LSSung uber allem Fleisse?»² А если так — зачем рвать и перечеркивать письмо только потому, что не так писалось? Все эти «не так» (по крайней мере некоторые или многие из них), не входят ли они в состав нашего общения (Kommunikation)? «Не нами бессилье изведено слов к выраженью желаний»³ (здесь беру «слово» в обычном простом его смысле); но следует ли из этого, что возможно лишь строгое «Silentium» Тютчева? Но ведь оно невыполнимо. Доказательство (если оно нужно!): он сам же нарушил его, и притом этим самым стихотворением. Итак: либо наш мир житейского «будничного» воплощается в искусстве, — в поэтической речи, образах, символах, — но тогда он не является объектом непосредственного общения и уже изымается из него, либо можно пытаться передать его простыми словами. И то, и другое до конца не удастся, но в какой-то мере возможно. Отказ от простых средств общения не лишает ли нас всякой «Kommunikation» вообще, не ставит ли ее под вопрос? Не можем ведь мы вечно разговаривать друг с другом только на языке богов! Ибо три четверти нашей жизни протекают вне сферы компетенции этого языка и даже не переводимы на него. Не через эти ли три

четверти должны мы восходить к тому, что доступно воплощению на этом языке, — вместо того, чтобы вовсе игнорировать их как нечто неизменное? А потом: все эти «не так» ведь очень субъективны: у кого и у чего нет своей «изнанки»? Да и сама эта изнанка — ведь «изнанка чего-то», к тому же неразрывно сросшаяся с этим «что-то». А это самое важное. При оценке «не так», «не то» есть опасность не только искусственного разрыва изнанки и того, с чем она связана, но и смешения того и другого: ведь не только изнанку можно принять за «подлинник», но и, наоборот, кое-что из подлинного отвергнуть как изнанку. Ибо Вы правы: что такое этот «сам» и что такое это «собой»?

Познать самого себя, конечно, очень трудно, даже просто невозможно, если только не рассматривать это самопознание как ряд ступеней (или циклов, или приближений, или пусть даже не связанных друг с другом моментов или проблем?) на пути к решению заданной задачи, весь смысл которой вовсе не в решении, а в попытке по-разному к ней подойти (мне кажется, так и надо понимать самопознание), но еще труднее, чем познать самого себя, — быть всегда самим собою, — особенно при том условии, если сочетать оба эти требования, т.е. непрестанно познавать самого себя в своем подлинном и не-подлинном бытии. А без такого сочетания второе требование просто не имеет смысла. Ибо даже интуитивное подсознательное ощущение своей собственной самости есть тоже вид самопознания. Но как ни невозможны обе задачи, за них все же приходится браться; иначе грозит «Пер Гюнт»⁴, который очень страшил меня в юности («Дело Маурициуса»⁵ начал читать лет 15 тому назад, но почему-то не дочитал. А это в самом деле интересно?).

Теперь о Ставрогине. Мы с Вами говорим о разных вещах. Вы — о демонизме, а я — о бытии; конечно, обе проблемы частично пересекаются друг с другом (хотя отнюдь не совпадают) — в той мере, в какой небытие можно рассматривать как абсолютное зло. Но ведь далеко не все философские системы рассматривали это именно так. Когда я писал о Ставрогине как о «лучшем в мировой литературе воплощении идеи Небытия» (кстати, в Вашем письме последнее слово пропущено, а оно решает дело), то имел в виду такое Пармени-довское Небытие-Бытие (ср. также «Морское кладбище» Валери⁶), т.е. такое Небытие, которое с нашей точки зрения есть абсолютная пустота, абсолютный нуль, но именно в силу этого в ином измерении может представлять собою своеобразную недоступную нам полноту — полноту небытия. Ставрогин не в том измерении, а в этом, потому в нем небытие оборачивается злом, но это — лишь своеобразное «оборотничество», которое для него и его окружения выливается в трагический конфликт, в трагедию, ибо нет и не может быть персонафицированного носителя Небытия с большой буквы. Вы скажете, что такова природа всякого демонизма (ведь неда-

ром — «демон — изгнанник рая»), но это — неверно: 1) демонизм прежде всего отпадение и 2) частичное, т.е. отпадение части от целого и притом в форме индивидуалистического бунта. Персонифицированное же Небытие — есть невозможная попытка воплощения целого в части, космоса в его носителе и кроме того инобытия — в наличном бытии. — Не согласен я и с Вашей мыслью об «умирающих демонах». «Манфред», действительно, показан умирающим, но Ставрогин изображен и в прошлом, и в настоящем, с самых дней его юности, и ясно видно, что он всегда был такой; отсутствие в нем всякой эволюции — одна из самых поразительных черт этого образа (она же красной нитью проходит через его предсмертное письмо); и это не случайно: он изначально дан как воплощение Небытия и, кажется, с самого начала догадывается об этом, а под конец твердо в этом убеждается, и главное — убеждается в безысходном трагизме такого воплощения, в обреченности его носителя (Лермонтовского Демона оставляю в стороне ввиду крайней философской неотчетливости этого образа). — Демоничен ли реальный Дионис эпохи расцвета эллинской культуры? Не знаю. Ибо не знаю этого реального Диониса. Уж слишком он в модифицированном виде дошел до нас даже из античной трагедии. Но во всяком случае знаю одно: он никоим образом не может считаться воплощением Небытия и, след., к моей проблеме отношения не имеет. Но жду Ваших проблем! Где же «руны»? С интересом прочитал недавно как раз весь сборник «Выше слова»⁷ и обменялся впечатлениями с В.В.Степановым⁸, который вернул его мне. — Ю.Н. я написал недели 2-3 тому назад подробное письмо с разбором ее стихотворений. М.Н. тоже ей пишет, но никак не допишет. М.Н., я и Лена просим Вас передать наилучшие пожелания к новому году Юлии Николаевне. Надеюсь, Вы получили мою поздравительную телеграмму по поводу дня рождения Ю.Н. - ...

Всего, всего наилучшего. М.Н. и Лена сердечно приветствуют Вас и поздравляют с Новым Годом. Ваш А.Неусыхин

6. Е.Е.Слуцкому

12.IV.1943. Свердловск

Дорогой, бесконечно дорогой Евгений Евгеньевич!

Перечел Ваши письма от 25/XII, 7-9/I и ужаснулся: ведь 1/4 года прошло с тех пор, как они писаны и — как я на них не ответил, почтовый штемпель удостоверяет, что я получил их 4/II, т.е. 2 с лишним месяца тому назад. 2-3 месяца молчать в ответ на такие письма и от столь ценимого мною человека, как Вы, — ведь это же преступление (особенно в наше время, при медлительности почты и при неизве-

стности, когда получишь ответ и какие изменения за это время претерпит житейский статус корреспондента). Но главное, т.е. трагизм моего молчания — в том, что я страстно хотел тотчас сесть за ответ Вам, а вовсе не молчать... И вот у меня не хватило (и систематически не хватает) физических сил на быстрое написание подробного письма (открытки писать в ответ на Ваши письма нет смысла). И некоторым другим корреспондентам месяцами задерживаю ответы (иногда с большим промедлением отвечаю даже на студенческие и аспирантские письма с фронта). Бывает такое состояние, что и открытку никак не напишешь. В Томске со мной этого не бывало или бывало редко, а здесь это постоянное явление; и эта новая для меня — периодически на меня нападающая неспособность к переписке воспринимается мною как личная трагедия: ибо именно сейчас, когда хотелось бы всех друзей и близких по духу обнять в едином и единящем объятии, когда страстно хочется и им что-то сказать, и их голос хоть издали услышать сквозь начертания на бумаге, — именно теперь особенно мучительно это онемение. А объясняется оно разбродом мыслей и чувств, раскиданностью, рассыпчатостью всех жизненных сцеплений. Физическая (или физиологическая) причина — хроническое и все усиливающееся переутомление на почве т.наз. перегрузки (22 часа занятий в неделю в обстановке «театрального разезда» чуть ли не всех моих коллег в Москву плюс заведывание кафедрой да еще плюс И-т Истории А<кадемии> Н<аук>, да еще плюс масса забот и хлопот и еще, и еще...). Но духовный субстрат периодического «онемения» — именно эта, усугубляемая указанными причинами, неспособность внутренне сосредоточиться, настроиться так, чтобы использовать для переписки хоть тот ничтожный остаток времени и сил, который остается за вычетом всех «еще». Вы в таких случаях рвете написанные письма, а я просто не пишу их. Но вот сегодня, наконец, пишу. По получении Вашего письма кинулся я тотчас же к В.В.Степанову, но он оказался в Москве; когда он вернулся (в начале марта), я с ним повидался и сообщил ему о «бесперспективности» Вашего перевода в М-ву. Он принял все это близко к сердцу, — тем более, что и сам получил от Вас письмо; он обещал подумать о Математич. Ин-те при МГУ, директором коего он здесь состоит (кажется, временно). Обо всем этом он написал Вам. Узнав из Вашего письма о кончине Анны Васильевны, я тотчас написал Надежде Михайловне и выразил ей мое соболезнование¹; ответа от нее не получил, но это отнюдь не упрек; я очень хорошо понимаю, как трудно отвечать в подобных случаях. В более раннем письме по поводу Сережиных дел я просил Над.М. поделиться со мной своими новыми стихами, но понимаю, что ей сейчас не до того. Как они теперь все устроены? Как нога Сережи? — Очень рад за Н.С.Четверикова² и за Вас; но кто же тот Ваш друг, который живет сейчас в Ташкенте и который упоминается в «Черепках»³? Или это —

его брат? Помнится, Вы писали об этом Вашем друге, что он собирается уезжать из Ташкента. Как теперь здоровье Ваше и Юлии Николаевны? Надеюсь, печень Вас больше не мучает, а Юлию Николаевну с наступлением жаркой среднеазиатской жары покинули гриппы. Кстати, как Вы ее переносите? Даже у нас здесь вдруг стало так тепло, что можно днем даже без пальто ходить.

В здешней группе историков при Президиуме Ак.Наук под председательством В.П.Волгина 12/II было заседание памяти Д.М.⁴ «Фальши» удалось почти целиком избежать (за исключением речи одной дамы — б<ывшей> ученицы Д.М.⁵, — которая повинна не столько в сознательной фальши, сколько в истерической глупости). Ибо тон был дан председателем, говорившим о Д.М. как о человеке и друге. Основной доклад был мой; кроме того, было еще два доклада (один из них упомянутый «дамский»). Все они стенографировались, — по распоряжению В.П., который хотел их использовать как материал для биографической части сборника памяти Д.М. Но этот сборник, который и в Москве, и в Ташкенте как будто хотели быстро двинуть, он теперь, как мне пишут из М-вы, откладывается (к великому моему огорчению). Даже некролог Д.М., давно написанный в М-ве Н.П. Грацианским⁶ для «Исторического Журнала» за 1943 г., так и не появился ни в № 1, ни в № 2... — Когда мы (т.е. Свердловская часть МГУ) поедem в М-ву, совершенно неизвестно. В хаосе противоречивых слухов за последнее время особенно ясно различается одна нота: переезд может быть перенесен на осень... А это, как Вы понимаете, мало окрыляет меня... Мог бы я уехать с Академией, но на беду Институт наш в Ташкенте (здесь только «группа»), а Президиум не склонен нас везти... К тому же я остался один-одинешенек на кафедре ср<едневековой> истории в МГУ и не могу ее бросить, ни юридически, ни морально не чувствую себя вправе это сделать. Плохо то, что даже командировку до лета не удастся получить (хотя все мои коллеги ездили по несколько раз: очень уж я неловок). И все-таки я твердо верю в нашу встречу в Москве. Я не допускаю и мысли о том, что такой крупный специалист, как Вы, можете остаться где-то в Ташкенте, когда все оттуда уедут. В крайнем случае, если уж в самом деле никто Вас не повезет, то поедете в индивидуальном порядке, по вызову из Москвы. По этим вопросам хорошо поддерживать регулярные связи с В.В.Степановым.

Стихотворение:

Руны тайные

Ткань души несет незримо

я прекрасно помню, и его окончательный вариант у меня здесь, с собою. Он мне и сейчас очень нравится. «Три пути к Высочайше-

му»⁷ — это очень интересно. Но, конечно, «как историк» (а Вы — не без справедливой иронии взываете ко мне как «историку») ничего не могу по этому поводу сказать. Ибо речь здесь идет не об исторической закономерности этих путей, их соотнесенности друг с другом, а об их метафизической ценности. Поэтому уже скорее как человек мог бы я высказать свое впечатление. Третий путь мне, как и Вам, представляется наиболее ценным, но переход от «лабораторной» стадии к «технической» страшно труден (отсюда и ошибки, и падения): ибо ведь самое трудное — сделать достигнутое в итоге одинокого восхождения к Высочайшему, к иному бытию внутри человека (т.е. отдельной человеческой души)* — сделать это достоянием всех. Я просто не знаю, как это возможно, и был бы очень признателен Вам, если бы Вы поделились Вашими мыслями на этот счет.

А с другой стороны. Ведь постижение «иного бытия» внутри человека — не связано неизбежно с постижением Бытия-Небытия буддизма? Ибо соответствующее первому постижению полное и окончательное преобразование внутреннего, человеческого мира не должно ли быть одновременно и тем самым преобразованием космического? Словом, первый и третий путь — не должны ли они где-то совпасть — подобно сходящимся в конце концов параллельным линиям не-Эвклидовой геометрии?**. Или, другими словами и без метафор, — первый и третий путь (если отбросить неопределенность и некоторую негативность буддистского Нечто) в том смысле едины и даже неизбежно коррелятивны, что поиски подлинного Бытия, лежащие в основе обоих, — и являют то сочетание внутреннего и космического, о котором я говорил. Но и этого еще мало. Это преобразенное сочетание должно стать еще и общечеловеческим достоянием, что всего труднее. Мне кажется, что синтез первого и третьего пути превращает второй путь лишь в техническое орудие — возможное, но необязательное. Не через этот ли синтез «великое идет иными путями»? Напишите, пожалуйста, и о том, что имеет Вы в виду этой заключительной фразой... — Из письма Юлии Николаевны знаю, что Вы, получив мое последнее письмо, недоумевали, на что я Вам возражаю. Мои замечания были ответом на Ваш вопрос о том, демоничен ли Дионис, и на сведение проблемы Бытия и Небытия к проблеме Зла и Добра. С последним я не согласен, и размышления по поводу «трех путей» уяснили мне причину этого несогласия: первая проблема коренится в космическом, вторая во внутреннем, но именно коренятся они в разном, корни у них различные; а в про-

* Вы называете это иначе еще «сведением небес на землю».

** Простате невольное вторжение в Вашу сферу, перед которой я испытываю суеверный ужас, но ото лишь метафора.

цессе развертывания, раскрытия лежащего в их основе «Бытийного», онтоса обнаруживается, что и во внутреннем есть Бытие и Небытие, и в Космическом Добро и Зло. И все-таки различать их следует, именно в силу различного укоренения: «Динамичная философия» — «от одной потери равновесия к другой» — это же Яспер-совское «Scheitern» und «im Scheitern das Sein zu suchen»⁸. Но между ним и Н.⁹ довольно резкая грань: в духовном развитии последнего не чувствуется никакой тенденции к целостности и единству; его скачки и переходы ничем внутренне не оправданы: это — судороги большого и больного ума, который не смог освободиться от специфически больного и не освободил от него свою философию. Вот почему его не считаю философом: тому виною — внутренняя неоправданность его скачков, а не самая скачкообразность развития. В самом деле: что за философия без стремления к единству и целостности постижения и без внутренней оправданности этого стремления? Яспер постулирует как раз экзистенциальную оправданность каждого скачка и каждого крушения (что идет у него, по-видимому, еще от Кьеркегора). —

Кончаю. Что сказать о себе, кроме уже сказанного в начале этого письма? Нечего. Облегчение приносит лишь переписка (но, как видите, я не дотянул слабыми силенками до нее), да беседы с одной московской знакомой, с которой мы особенно сошлись здесь, в Свердловске. Раньше были надежды на переезд в М-ву, но теперь и они померкли. Но есть у меня и еще один спаситель — Rilke. Читаю его в трамваях и в очередях за обедом, в столовой и проч. Выучил наизусть 5 элегий (т.е. половину общего их числа): первые две, шестую («Feigenbaum, seit wie lange schon ist's mir bedeutend»¹⁰), восьмую и девятую (последнюю знал еще в Москве, но потом забыл), кроме того — начало пятой и десятой, первые две страницы седьмой (до слов: «denn wie, wie, wie sie vergessen»¹¹). Все это совершенно в течение марта. Одно время, ложась спать, клал томик Rilke возле себя на стул, а ночью, просыпаясь, повторял наизусть элегии, засыпал посреди одной из них, вновь просыпался, доканчивал припоминание текста всех пяти подряд, и тогда — утомленный, но и успокоенный — засыпал уже крепко. — Большое спасибо Юлии Николаевне за ее милое письмо, На днях напишу ей отдельно. М.Н. и Лена шлют Вам и Ю.Н. свой самый сердечный привет (такой же и от меня Ю.Н.), М.Н. вынуждена будет поступить на службу хотя бы на половину рабочего дня. Лена учится с интересом на филологич. факульт., ее декан. Н.К.Гудзий шлет Вам привет, так же как и В.В.Степанов. Будьте, все здоровы и благополучны. Искренне и дружески к Вам расположенный Ваш А.Н.

7. Е.А.Неусыхиной

4/VII-48 г.

Дорогая Леночка!

Получили в Москве твое большое письмо от 22/VI —23/VI, но я не успел на него там ответить, т.к. было много суеты, ответила тебе мама, а в субботу мы укатили в Фирсановку, откуда и пишу.

Очень рад, что ты пришла, наконец, в себя, «отошла с дороги» (недельки через три по приезде!), и что работу ты не считаешь волком, готовым убежать в Наурзумский лес, мне тоже очень по сердцу: ибо для дипломной хватит материалу, наберешь как-нибудь. Вот только верховую езду я не одобряю, так как она весьма сильно трясет, а сотрясения для арахноидита отнюдь не показаны. Я здесь теперь уже обосновался «всерьез и надолго», т.е. до конца июля. Нужно, правда, одну работку сделать для Института, — опять переписать очерк истории Германии, на этот раз для соответствующего тома «Всемирной истории»¹, но кроить не то, что шить, все-таки легче, да и переделка предстоит небольшая. Кроме того, на меня обрушились в мае-июне все возможные диссертанты и аспиранты («экстерны и интерны»), из коих каждый дает мне на прочтение по главе (или даже по части главы) своей диссертации или текста кандидатского минимума и жаждет затем моих критических замечаний, а по получении оных, предлагает моему вниманию следующую главу. Они пишут их скорее, чем я успеваю делать замечания!

Это объясняется тем, что ряд лиц — Дорошенко, Джунковская, Абрамсон уже перешли на положение диссертантов и они вынуждены гнать работу к сроку. К ним присоединилась еще Палей, которая взяла трехмесячный отпуск и спешно кончает диссертацию (я читаю уже вторую главу, да две главы Дорошенко прочел). Прибавь к сему Перскую, которая, подлечившись ...вновь принялась за диссертацию, а также Левину, которая сдала, наконец, первый кандидатский минимум, по случаю чего мне пришлось читать ее opus о лангобардах, да еще Рудую (Киевская аспирантка, ко мне направленная), каковая тоже снабжает меня opus'ами для прочтения. Такой диссертационный урожай в весеннее и летнее время — явление необычное как с исторической, так и с метеорологической и с.-хоз. точки зрения. И сейчас у меня лежит одна глава диссертации Палей, да еще доклад из семинария Сказкина (об Арнольде Брешианском), который он просит прочесть летом... Все это(!) последовало вскоре после серии дипломных работ (5-6 штук прошло еще на твоих глазах (в марте-апреле), а остальные — в мае-июне с «хвостами» на июль).

Тем не менее гуляю. Уже 2 раза был в Средниково и обзирал Лермонтовский вяз и Арсеньевский дом с громадным парком и прудом. Липа в цвету. Одно дерево, с которого я хотел сорвать ветку,

оказалось сплошь усеянным пчелами («в каждый венчик душистой сирени распевая вползает пчела» — Фет — поправка к нему — «липы» вместо «сирени»). Домик наш уютный, чистенький (даже подкрашенный), «шикарный» по обстановке (трюмо, мягкие кресла, белоснежные кружевные занавески, электричество, и притом оно большей частью не тухнет!), а стоит он на опушке леса под елями, так что в нем никогда не жарко, хотя солнце и светит в окно. Читаю письма Ролика², коих целых 5 томов принес мне Розенберг (он был у нас и очаровал маму: она ведь любит чудородов).

«Неправо о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтят ниже минералов»³: Шувалов — это ты, стекло — это... стихи, да, да, «обыкновенные» стихи (хотя бы, например, Ролика), которые хотят быть прежде всего и после всего стихами, а минералы это... страшно сказать — потуги дать свою религию, в которых Райнер Мариевич⁴ не повинен.

Будем говорить серьезно: «Stundenbuch»⁵ — лирическая исповедь души, ищущей Бога. Исповедь в стихах, а не просто исповедь («дьявольская разница», как писал Пушкин об Онегине!). Нечего искать в ней системы в религиозно-философском смысле, а тем более догматики: ни того, ни другого в ней, к счастью, нет; к счастью, ибо и то, и другое убило бы стихи, задушило бы лирическую исповедь. Однако стихи что-то выражают, и исповедь что-то раскрывает. Но что? Поиски, блуждания, искания — чего? Пути к истинному бытию, которое автору (в отличие от В.Соловьева; впрочем, его лирику надо все же строго отличать от его собственной догматики) предстает не в виде неподвижного абсолюта, а в виде того «нечто», которое проступает через явления, в них воплощается, в них только для нас и есть (хотя «для себя» оно и вне их). Наиболее обобщенный образ его «для себя бытия» — Бог. Но и он доступен нам только через явления. — Автор убежден в том, что Он должен присутствовать в каждом из них (вспомни «наперсток»⁶), но, конечно, присутствовать лишь в том виде, в каком Он в наперстке может быть. Это не пантеизм, а скорее неоплатонизм (мир идей-сущностей, как мир истинного «бытия», плюс Deus как *prīus*, как незримый двигатель всего этого мира). Но дело не в названиях, ибо, повторяю, системы здесь нет: можно ориентировочно указать лишь тяготение к той или иной системе мыслей и образов. Раз Бог в каждом явлении присутствует (но, вопреки пантеизму, в нем не растворяется), то он может предстать в разных воплощениях — и в вещах, и в природе, и в человеческом облике. Первое — в вещах — мысль смелая и новая, последнее — в человеческом облике — старо как мир. Все религии персонифицировали Бога. — Меня удивляет, почему ты считаешь, что личный Бог невозможен. А как же Иисус Христос? Именно в его образе Бог стал впервые нуждаться в человеке. Отсюда и естественный переход к символике непонятого тебе сти-

хотворения об отчаянии Бога без человека. Ибо нам зрим наш человеческий Бог, и без нас ему грустно и тоскливо.

А кто Он вне нас, вне воплощения, мы не узнаем никогда, ибо Он абсолютен в непознаваемости своей. То, что Рильке осознал и с большой художественной силой выразил это (и притом сразу в юности, ведь 1 книга *Stundenbuch* написана в возрасте 24-х лет, Надсонов-ский⁷ возраст!), — большая заслуга его. А кому же молиться, как не личному Богу? Рильке попытался молиться стихами (как Петр Петрович, приятель Е.Е.⁸), и притом не только Богу в человеческом облике, но и в облике вещей и предметов, — но, конечно, в каком-то облике, и не вещам (то был бы фетишизм), а именно Ему в вещах. В этом опять-таки новизна. Потому и «Часослов»; а монах — лишь мифическое действующее лицо, но не случайное, ибо на почве любой догматики возможны аналогичные искания, если только человек не застывает в догме (в последнем случае она формализуется, теряет всякое конкретное содержание и перестает давать ростки и побеги). В конце жизни Рильке как-то отошел от непосредственного восприятия присутствия личного Бога в вещах, предметах, явлениях зримого мира и обратился к самому этому миру. Но это то же самое с противоположной стороны; раньше он в каждом наперстке старался разглядеть Бога, а теперь он погрузился в разные стороны мироздания в уверенности, что все дороги ведут в Рим, т.е. к Богу — через истинное бытие, просвечивающее в явлениях. Рильке важен тем, что путь его органичен, рост неуклонен, исповедь предельно искренна и подлинна: он рассказывает только то, что видел; а рассказать об этом он способен только «в стихах, которые не могут лгать» (Е.Е.Слущкий)⁸. Ему дано было видеть многое, но, конечно, в ограниченном аспекте; он видел свое, как каждый зрячий; но он видел подлинное и пришел точно его передать — стихами, ибо точность в значительной мере от честного отношения к стихам. Из многих видений слагаются пути постижений¹⁰.

Примечания

1. 23.I.1942

1. Фрагмент этого письма опубликован в журнале «Новая и новейшая история», 1992, № 3.
2. Тимофей Иванович Райнов (1888-1958) — историк, работал преимущественно в области истории науки, близкий друг А.И.Неусыхина.
3. Аппетит приходит во время еды (франц;).
4. Александр Иванович Белецкий (1884-1961) — литературовед, академик, профессор Киевского университета; в 1942 г. заведовал кафедрой истории литературы в Томском университете.
5. Николай Каллиникович Гудзий (1887-1965) - литературовед, академик, профессор Московского университета.

6. Иоанна (Жанна) Матвеевна Брюсова — вдова В.Я.Брюсова, публикатор его литературного наследия.
7. Борис Григорьевич Столпнер (1871-1937), философ, известный переводчик Гегеля. Его вдова — Гита Львовна Столпнер.
8. Прозвище Вячеслава Ивановича Иванова (1866-1949).
9. Маргарита Николаевна Неусыхина (1897-1982) — жена А.И.Неусыхина.
10. Речь идет о труде: Jaspers K. Philosophie. Bd. I-III. 3.Aufl, Berlin; Gottingen; Heidelberg, 1956; названия глав — «Коммуникация», «Историчность», «Закон дня и страсть к ночи», «Смысл разрушения» (точное название главы: «Многообразный смысл фактического разрушения»), «Трансценденция».
11. «подлинная коммуникация» (нем.) (термин Ясперса).
12. измена экзистенции (нем.).
13. подлинной экзистенции (нем.).
14. Цитаты из стихотворений Владимира Соловьева «Лишь забудешься днем» (неточная цитата строк «И в прозрачной тиши неподвижных созвучий...»), «Бедный друг, истомил тебя путь...» «О, что значат все слова и речи», «В тумане утреннем неверными шагами» (строка «в белый зимний день...» неточная цитата строки: «В холодный белый день дорогой одинокой»).
15. Речь идет о «Сонетах к Орфею» и «Дуинезских элегиях» Райнера Марии Рильке (1875-1926).
16. А.А.Фет. «Озираясь на юность тревожно...»; А.Блок. «Я стар душой, Какой-то жребий черный...»
17. Персонаж повести Рильке «Записки Мальте Лауридс Бригге».
18. Повесть Андрея Белого.
19. Юлия Николаевна Слуцкая - жена Е.Е.Слуцкого, преподаватель-биолог; сборники ее неопубликованных стихов хранятся в ЦГАЛИ (фонд Е.Е.Слуцкого).
20. «внутри»; здесь: «в сокровенной глубине» (нем.),
21. Ф.И.Тютчев. «О чем ты воешь, ветр ночной?» (неточная цитата строк «О, бурь зашнувших не буди...»).
22. Семья друзей Е.Е.Слуцкого. Валентин Петрович Левинский — математик; стихи Надежды Михайловны Рот-Левинской хранятся в ЦГАЛИ (фонд Е.Е.Слуцкого).
23. Андрей Белый. Эпопея // «Эпопея», Литературный ежемесячник под ред. А.Белого. № 1. М.-Берлин, 1992, с.8.
Вяч. Иванов. Художник, 4 строфа:
Одной души в живую сагу
Замкнет огонь своей мечты —
И рухнет в зеркальную влагу
Подмытой башней с высоты.
24. Ю.Н. и Е.Е.Слуцкие незадолго до войны приняли в свою семью брошенную с ребенком женщину, помогавшую им по хозяйству (полные имена и даты жизни не установлены); забота о ребенке, ставшем приемной внучкой Слуцких, была одной из главных причин выезда в эвакуацию и связанных с этим бедствий в результате неправомерного увольнения Е,Е.
25. Елена Александровна Неусыхина (Огнева) (1924-1985) - дочь А.И.Неусыхина.

2. 3-7.III.1942

1. Реминисценция из Апокалипсиса, гл-5,6.
2. А.Блок, Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...»)
3. Строки из письма Е.Е.Слуцкого от 10-25.11.1942.

4. И.В.Гёте. Кроткие ксени. 2 (букв, перевод цит. строк: «И все усилья, все боренья есть вечный покой в Господе Боге»).
5. Влад.Соловьев. Лишь забудешься днем... (неточная цитата строк: «И слилися давно, как роса в океане, / Все житейские дни»).
6. Влад.Соловьев. La Russie et l'Eglise universelle. («Россия и Вселенская церковь», впервые опубл.на франц.языке в Париже).
7. «Призраки» (франц.).
8. «в созерцающего» (нем.) — реминисценция из Рильке.
9. зло (нем.).
10. страсть к ночи; страсть; закон дня (нем.).
11. «Бытие в разрушении», «Безусловные деяния», «Абсолютное сознание»; Scheitern — многозначное, труднопереводимое понятие (букв, крах, крушение, разрушение, распад) (нем.).
12. Строки из неопубликованного стихотворения Е.Е.Слуцкого:
 Как печать рельеф камеи,
 Как ладонь лицо любимой,
 Руны тайные, немея,
 Ткань души несет незримо.
 Что им в мире невозможно, —
 Бред, безумье, наважденье,
 То в душе, как сон неложный,
 Бытия напечатленья.
 И в затишьи ожиданья
 Тайной светится под спудом
 Чаша полная молчанья,
 Неразбитая лишь чудом.
 Сентябрь 1940—декабрь 1941
13. «Черепки» - сборник стихотворений Е.Е.Слуцкого; «он» — герой стихотворения «Печальные глаза в глаза глядят./Нездешним пламенем обожжено лицо» — Петр Петрович Предтеченский, знакомый Е.Е., странный человек без определенных занятий, словно бы из другого мира; судьба его неизвестна.
14. Отто Юльевич Шмидт (1891-1956) — известный ученый, в те годы вице-президент Академии наук СССР.
15. В «Страсти к ночи» отнюдь не включено все «зло» и только оно: «Ночь, которой я предаюсь с бодрствующими глазами, не есть ничто, ни зло как таковое. По ту сторону добра и зла... она есть зло только для дня, который, однако, чувствует, что он есть не все» (нем.).
16. «Одна возгорается от другой» (нем.),
17. Фр.Гёльдерлин. Хлеб и вино (строфа 2):
 ...и вот уж
 Ты готов предпочесть ясность разумного дня.
 Но ведь порой усладительна тьма и зрячему оку
 И произвольно зовут вежды до времени сон,
 Или вперяется в ночь порой и муж непорочный
 (Да и пристало дарить ночи венки и хвалы,
 Ибо она обуянным свята и подарена мертвым),
 Но свободно хранит самостояние дух.

Пусть же, пусть же и к нам — дабы в ожидании зыбком,
 В смутных сумерках мы все же устояли обрели, —
 Пусть и к нам снизойдет забытье, и хмель исступленья,
 И опьяненная речь, пусть, как влюбленным, без сна
 Нам позволено будет впивать легчайшее пламя
 И, свершая обряд, бодрствовать свято в ночи.
 (пер. С.Аверинцева)

3. 15.III.1942

1. Мария Ароновна Рубина — дочь А.И. Рубина,
2. Виталий Аронович Рубин (1923-1981) - сын А.И.Рубина, историк-китаевед.
3. Софья Сауловна Рубина — жена А.И. Рубина.
4. Сергей Павлович Моравский (1886-1942) — историк, педагог, близкий друг Д.М.Петрушевского и А.И.Неусыхина.
5. Евгений Андреевич Мороховец (1880-1941) — историк, учитель и друг А.И.Неусыхина.
6. Ф.Тютчев. «Брат, столько лет сопутствовавший мне...»
7. А.Блок. «Все свершилось по писаньям».
8. «сукин сын» (лат.).
9. Комитет по делам высшей школы.
10. Ц.Фридлянд — историк, один из организаторов кампании против Д.М.Петрушевского. См.: «Историк-марксист», 1928, кн.8.
11. А.Блок. Возмездие.
12. Неусыхин А.И. Исторический миф третьей империи // Уч.зап.Моск.гос.университета, 1945, № 81.
13. А.Блок. На поле Куликовом. 2: «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...».
14. А.Блок. Голос из хора (первая цитата неточна: «О, если б знали вы, друзья, холод и мрак грядущих дней...»).
15. А.Блок. На поле Куликовом. 1: «Река раскинулась...»
16. А.Блок. «Все ли спокойно в народе?...» (сб. «Распутья»).
17. А.Блок. Возмездие.
18. Джакомо Леопарди (1798-1837) — итальянский поэт. Название стихотворения «Бесконечность» (в этой форме употребляется в философском смысле). Тогда Неусыхину еще не был известен перевод именно этого стихотворения, сделанный Р.М.Рильке. На русский язык переведено Вяч. Ивановым (сб. «Прозрачности»).
19. Евгений Алексеевич Косминский (1886-1959) — историк, действительный член АН СССР, профессор Московского университета.
20. Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) — историк, действительный член АН СССР, профессор Московского университета.

4. 17.VII.1942

1. Т.И.Райнов.
2. Д.М.Петрушевский.
3. Вячеслав Петрович Волгин (1879-1962) — историк, вице-президент АН СССР.
4. О.Ю.Шмидт.
5. Проблемы теодицеи постоянно занимали Е.Е.Слуцкого; его размышления были обострены личными бедствиями в Ташкенте, но в философско-религиозном плане он принимал их как должное, посланное Богом. Характерны строки его письма В.В.Степанову (см. прим. 8 к письму 5): «...здесь созрела во мне мысль о страдании как существен-

ном элементе мироздания. Все, что мы знаем здесь, не может быть ничем, кроме начала: этот мир — школа мужества и первая ступень. Борьба, ради которой человек должен быть закален, по сравнению со всем, что мы видим, нечто во столько же более великое и грандиозное, во сколько раз наши бури ничтожнее ураганов в атмосфере Солнца и тех, которыми движутся миры, как снежная пыль на наших равнинах... Начинаю как-то предчувствовать существование «теоремы» теодицеи, оправдывающей и глад, и мор, и нашествие иноплеменных: да мы все, человеки, ничего бы не стоили, если бы не бичи и не скорпионы, которыми нас бичуют гнев небеса. Как зерна, лишь под ударами цепов на гумне освободиться можем мы от мякины и, как зерна, только под тяжестью жерновов можем стать мукой и хлебом». «Насчет мануфактуры» — Е.Е., иронически по отношению к самому себе и своей непрактичности в жизненном устройстве, писал А.И.Неусыхину, что, живя в последние годы в ожидании войны и ее грядущих бедствий, он никак не позаботился о материальном положении семьи, в которой был ребенок — приемная внучка.

6. И.В.Гёте. Фауст, Ч.II, акт 2:

Чорт старше вас, и чтоб его понять

Должны пожить вы столько же на свете.

(пер. Б. Пастернака)

7. Возможно, имеется в виду поэма М.Волошина «Путями Каина: трагедия материальной культуры». См.: Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991.

8. отклонения, неистинные образы (нем.).

9. Н.С.Гумилев. Пьяный дервиш.

10. Имеется в виду Ф.Ницше.

11. Р,М.Рильке. Созерцание:

Он ждет, чтоб высшее начало

его все чаще побеждало,

чтобы расти ему в ответ.

(пер.Б. Пастернака)

Точный перевод названия - «Созерцающий».

12. гордыня (лат.).

13. И.В.Гёте. Фауст. 4.1:

Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла.

(пер. Б.Пастернака)

14. бессмыслица, внутреннее противоречие (лат.).

15. «Ставрогин — обращенный в негативное Фауст» (нем.). См.: Иванов Вяч. (Tragodie — Mythos — Mystik. Tubingen, 1932. См. также: Роднянская И.Б. Вяч.Иванов (Свобода и трагическая жизнь. Исследования о Достоевском) (реферат) // «Ф.М.Достоевский. Материалы и исследования», Кн.4. Л., 1980.

16. Речь идет о героях одноименных драм Байрона.

17. преходящесть (нем.).

18. любовь к судьбе (лат.).

19. «Песнь судьбы Гипериона» (входит в роман «Гиперион», а также публикуется в разных изданиях отдельно под заголовком «Песнь судьбы»), Приводим здесь перевод Е.А.Огневой-Неусыхиной, как более близкий к подлиннику по сравнению с литературными переводами В.Микушевича или В.Куприянова.

ПЕСНЬ СУДЬБЫ

В горнем свете ходите вы,
 Блаженные гении, почва
 Под вами легка, и воздух
 Божественный, ярко сверкая,
 Нежно касается вас,
 Словно арфистки персты
 Арфы священной.
 Словно спящий младенец,
 Небожители дышат,
 И, Рока не ведая,
 Дух их вечно цветет,
 В целомудренной почке
 Сокрытый,
 И вечно взирают
 Блаженные очи
 В ясности тихой,
 А нам суждено
 Покоя не ведать нигде.
 Люди, страдая,
 Вслепую бредут,
 Жизни часы их проходят,
 Как низвергаются воды
 Из года в год,
 Со скалы на скалу
 В неизвестности бездну.

(Тютчев и Гёльдерлин. Неизданный доклад А.И. Неусыхика (1942). Публикация Е.А. Огневой-Неусыхиной//Литературное наследство. Т. 97, Кн.2, Федор Иванович Тютчев. М., 1989, с. 542-547).

20. цветет вечно их дух (нем.).

21. как спящий младенец, дышат небожители... смотрят в тихой, вечной ясности (нем.)

22. нам же не дано места, чтобы успокоиться;... исчезают, падают страдающие люди слепо от одного часа к другому, как вода низвергается со скалы на скалу годами в неизвестное (нем.).

23. не ведая судьбы (далее повторяются слова из прим.21).

24. «Диотима! - позвал я. - Где ты, о, где ты, Диотима?... - У родных, - отвечала она, - у тех, кто и мне и тебе сродни...» — Гёльдерлин Ф. Гиперион, или отшельник в Греции//Гёльдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. «Литературные памятники». М., 1988, с. 256 (пер. Е.А. Садовского),

25. «Люди падают с древа жизни, как гнилые плоды, так пускай же они погибают! Они возвращаются вновь ...к твоим корням...» — Там же, с. 256-257.

26. «И мы, мы тоже не разлучены с тобой, Диотима... Мы живое созвучие, мы вливаемся в твою гармонию, природа!... О, душа, душа! Нетленная красота мира ... ты существуешь, и что тогда смерть и все горе людское! ...Ведь все свершается по свободному побуждению (точнее: по влечению. — Л.М.), и все ведь кончается миром.

Все диссонансы жизни — только ссоры влюбленных. Примиренье таится в самом раздоре, и все разобщенное соединяется вновь.

Расходится кровь по сосудам из сердца и вновь возвращается в сердце, и все это есть единая вечная пылающая жизнь». — Там же, с. 257,

27. «Разве ты никогда не слышал, как звучат мелодии судьбы? Их диссонансы означают то же самое» (фрагмент 3 к «Гипериону» «Die Rahmen-Erzählung»; на русский язык не переведен).

28. «Есть же на свете... хотя бы один храм, где ты сможешь осуществить свои стремления...ты возвратишься к богам, возвратишься обратно к чистой, свободной, юной жизни природы», — «Хиперион...», с. 216.

29. «Там, где мне хотелось выплеснуть мою переполненную душу, как жертвенное вино, в манившую бездну жизни». — Там же, с. 236-237.

30. «Обоснование Эмпедокла»; в архиве А.И. Неусыхина сохранился конспект - перевод-толкование этой чрезвычайно трудной для понимания статьи Гёльдерлина.

31. «Хлеб и вино» (нем.).

32. центральный пункт, ядро (нем.).

33. «Пенный вал души вздымался бы во всей красе в нашем сердце, если бы ему не противостояла древняя, немая скала — судьба», - «Гиперион...», с. 91.

34. «Звезды избрали своим уделом постоянство;...Мы же являем совершенство в многообразии: мы разбиваем мощные аккорды радости на изменчивые переливы мелодий... и быстротечной песней жизни смягчаем благодатную строгость бога солнца...». — Там же, с. 240-241.

35. Так у Тютчева и Гёльдерлина (мел.; слова Неусыхина).

36. Гёльдерлин. Середина жизни, Речь идет о неопубликованном переводе проф. Р.М. Самарина (1911-1974). См. Гёльдерлин Ф. Сочинения. М., 1969 (пер. С. Аверинцева).

37. «Сделал все, что могу» (лат.),

38. пограничных ситуаций (нем.) — вот нужное слово (франц.).

39. См. стр. 352-354 настоящего письма.

5. 31.XII.1942

1. А, Фет. «Как мошки зарею...» (сб. «Мелодии»).

2. «На короткой тропе (а, м.б., и на длинной, — Вставка Неусыхина) мы были — я для тебя, а ты для меня — такими. Разве этот свет и разрешение не выше всех усилий!»

(St. George (1868-1933), An Gundolf. - Der siebente Ring. Tafeln).

3. А. Фет. «Напрасно» (сб. «Вечерние огни»),

4. «Пер Гюнт» - драма Генрика Ибсена (1828-1906).

5. «Дело Маурициуса» — роман Якоба Вассермана (1873-1906).

6. Поль Валери (1971-1945). Стихи знаменитого французского поэта у нас почти не переводились. См. Валери П. Избранное. М., 1936; Французские лирики XIX и XX вв. Составитель Бенедикт Лифшиц. Л., 1937,

7. «Выше слова» — неопубл. сборник стихов Е.Е. Слуцкого (в ЦГАЛИ),

8. Вячеслав Васильевич Степанов (1889-1950) — математик, член-корреспондент АН СССР, профессор Московского университета.

6. 12.IV.1943.

1. Речь идет о семье Левинских.

2. Николай Сергеевич Четвериков — математик, друг Е.Е. Слуцкого, незадолго до этого письма вернувшийся из ссылки, брат известного генетика Сергея Сергеевича Четверикова (1880-1959).

3. См. прим. 13 к письму от 3-7.III. 1942.

4. Д.М. Петрушевский скончался 12 декабря 1942 г.
5. Речь идет о выступлении профессора Веры Вениаминовны Стоклицкой-Терешкович (1885-1962).
6. Николай Павлович Грацианский (1886-1945) — историк, профессор Московского университета и МГПИ им. Ленина (ныне Моск. Пед. университет).
7. Е.Е. Слуцкий в письме А.И. Неусыхину так поясняет свою мысль: «Три пути к Высочайшему открыто было людям. Один, уводящий от ала и страданий, но куда — неведомо. Нирваной названа цель, но не открыл Будда ученикам своим, Бытие ли это, или Небытие, или Нечто — ни то, ни другое. — Второй путь — путь экстаза — не знает имени открывшего его, над ним тайна седой древности. Это путь от земли в Небо. Небо открывается несказанно, но подлежит закону тяготения восхищенный на небеса и возвратившись не находят слов. — Третий путь открыт Иисусом Христом, а в древних подвижниках откровение стало опытным знанием. Этот путь сводит Небо на землю. Не на краткие миги экстазов, а для постоянного жительства. Это путь преображения человека в человеке, путь к совершенству, путь, открывающий ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ, Внутри человека. Здесь на земле. Иное бытие.

Древние подвижники были исследователями, Уходили в пустыню, как уходит и теперь туда астроном; от дыма и гари городов. Они основали величественную науку, но сбились с пути: личное спасение, личное совершенство стало целью, заслонило иную, более величественную: открыть всему миру и всем, кто в мире, узанное. В условиях более трудных, среди шума мирской жизни, при всех осложнениях непрестанного взаимообщения: найти, узнать, испытать, показать и научить. От «лабораторной» стадии перейти к «технической», если это слово, *mutatis mutandis**, применить в его самом широком смысле.

Но нет ошибок, просто ошибок, в столь великом деле. Здесь всякая ошибка - грех и падение. И вот благодать отошла от заблудившихся. Древняя наука пришла в забвение. Наступила стагнация. Века упадка. Но великое идет иными путями.

Вот главное из моих мыслей последнего полугодия. Встречалась ли Вам, историку, подобная этой концепция христианства? И его истории?»

8. «разрушение» и «искать бытие в разрушении» (нем.), см. также прим. 11 к письму от 3-7. III. 1942.
9. Речь идет о Ницше.
10. «О, смоковница, как уж с давних пор это для меня значимо...» (нем.).
11. «...попробуй, попробуй забудь их!» (пер. В. Микушевича), буквально: «как же, как же, как же их забыть».

7. 4.VII.1948

1. См.: Всемирная история. ТЛИ. М., 1957 (там А.И. Неусыхину принадлежат 7 глав по средневековой истории Германии, Италии, Испании и др.).
2. Рильке.
3. М.В. Ломоносов. Стихотворение «Письмо о пользе стекла... И.И. Шувалову».
4. Речь идет о Райнере Марии Рильке.
5. «Часослов».
6. Речь идет о сказке Рильке «Wie der Fingerhut dazu kam, tier liebe Gott zu sein» («Как наперсток захотел быть Богом») из книги «Geschichte vom lieben Gott» («Истории о Господе Боге»).
7. Семен Яковлевич Надсон (1862-1887).
8. См. прим. 13 к письму от 3-7.III.1942»

* с соответствующими изменениями (лат.).

9. Е.Е. Слуцкий. Черепки. XIV (Архив ЦГАЛИ):
Мы не достойны. Но Святого Духа
Сойдет дыханье, зацветут слова.
Не нашего они коснутся слуха:
Так много слов должно истлеть сперва.

О, если б тот угодник, что в пустыне
Безумью предан, сорок дней блуждать
Был обречен, — духом хулы гонимый, —

О, если б все имел он дар сказать!
Нам сотрясали б душу и поныне
Стихи, которые не могут лгать.
(1941 г.)

10. Конец письма не сохранился,

Публикация и примечания Л. Т. Мильской